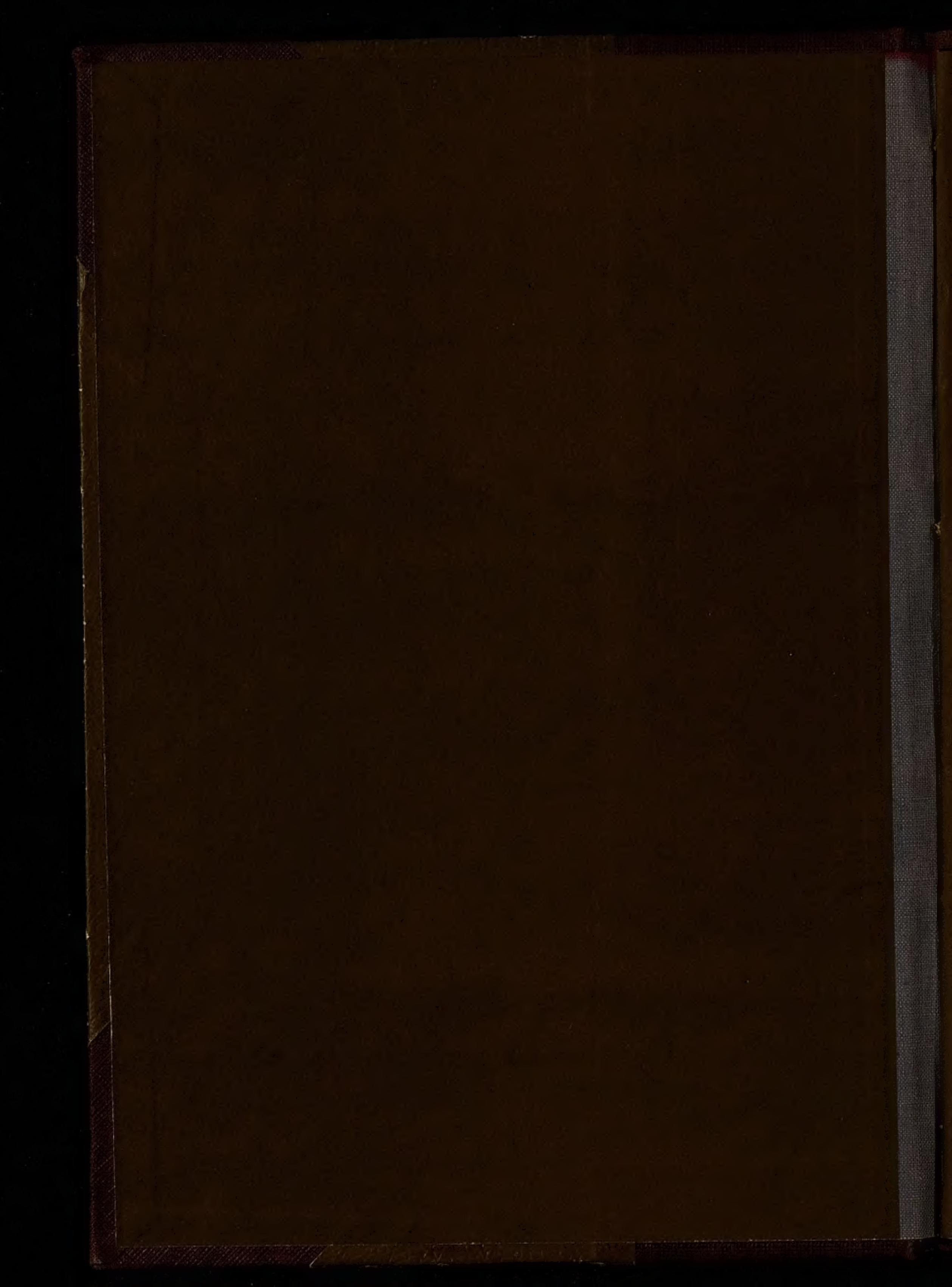
БУХАРИНЪ

ОТ ДИКТАТУРЫ ИМПЕРІАЛИЗМА КЪ ДИКТАТУРѢ ПРОЛЕТАРІАТА

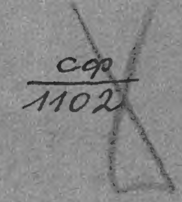
Н. Бухаринъ.

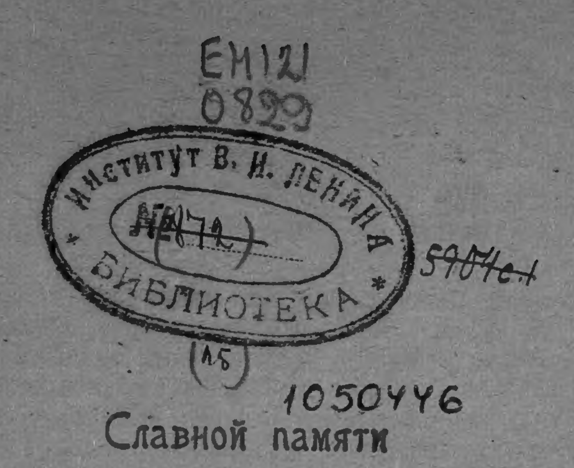
Отъ диктатуры имперіализма къ диктатурѣ пролетаріата.

(Классовая борьба и революція въ Россіи. Выпускъ II).

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная типографія. Эртелевъ переулокъ, д. № 13.
1918 г.

сф
1102

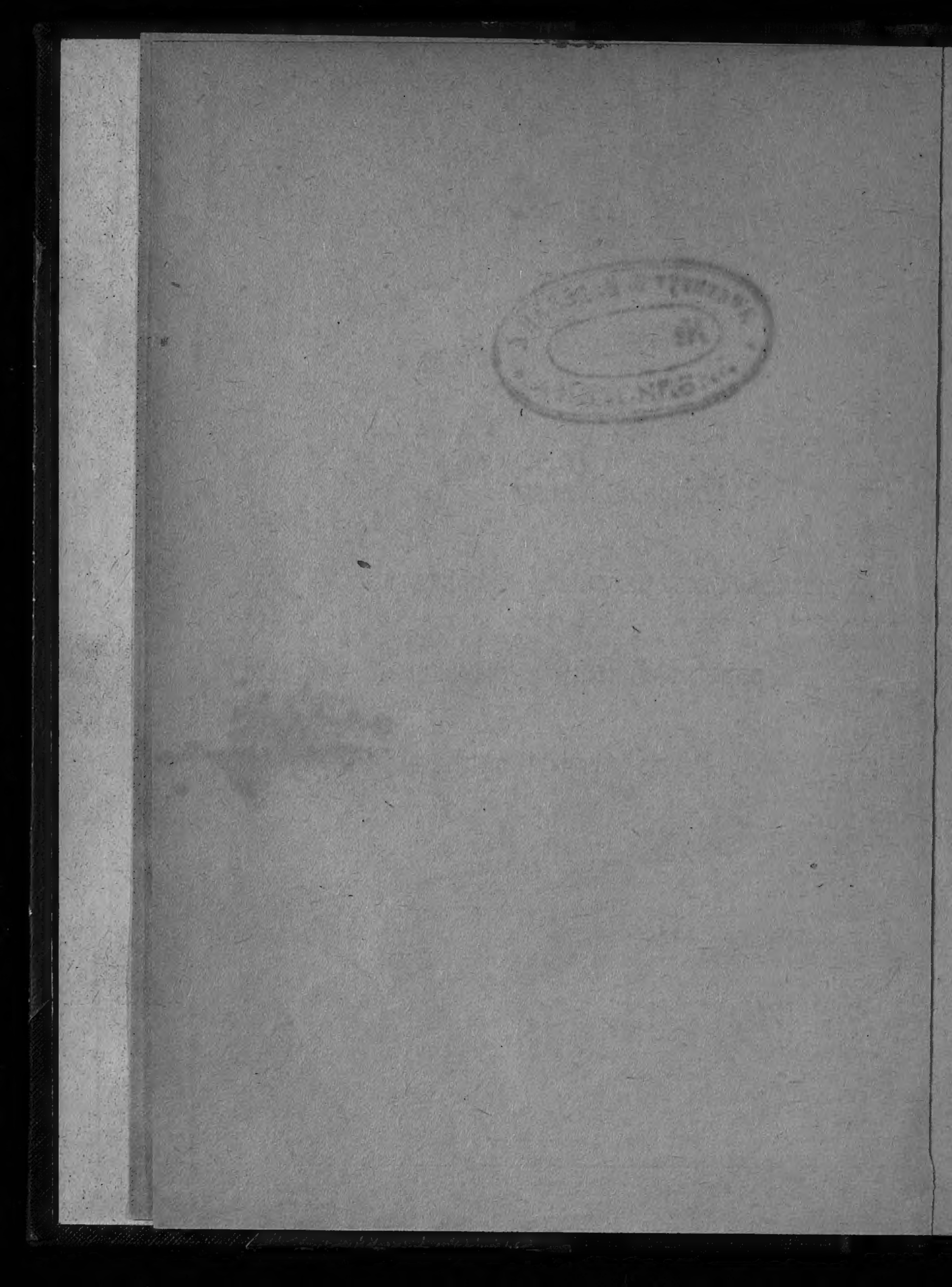

Славной памяти

московскихъ рабочихъ и солдатъ,

разстрѣлянныхъ буржуазными убійцами

въ великіе октябрьскіе дни.

Отъ диктатуры имперіализма къ диктатурѣ пролетаріата.

«Рано торжествуетъ контръ-революція свою побѣду. Пулей не накормить голодныхъ. Казацкой плетью не отереть слезъ матерей и женъ. Арканомъ и петлей не высушить моря страданій. Штыкомъ не успокоить народовъ. Генеральскимъ окрикомъ не остановить развала промышленности».

Такъ говорилъ манифестъ іюльскаго съѣзда большевиковъ, опубликованный 12 августа, въ день созыва Московскаго Совѣщанія.

Прошло всего три мѣсяца со времени побѣды имперіалистской клики, когда генеральскіе лампасы и несгораемые шкафы банкировъ стали символомъ русской власти наряду съ казацкой пикой и скорострѣльной юстиціей, какъ діалектическій прыжокъ исторіи поставилъ на голову прежнее соотношеніе между «народомъ» и «властью». Въ огнѣ жестокой гражданской войны имперіалистскій фронтъ былъ прорванъ могучимъ натискомъ рабочей и солдатской массы. «Кучка нѣмецкихъ шпіоновъ», какъ называли злобствующіе буржуа вождей пролетаріата, была взмыта революціонной волной на самую вершину новаго аппарата совѣтской власти. Диктатура имперіализма превратилась въ диктатуру пролетаріата и солдатъ-крестьянъ, взявшихъ въ желѣзныя руки своихъ классовыхъ враговъ.

Русская революція перешла такимъ образомъ въ новый фазисъ, фазисъ соціалистической революціи. Въ движеніе пришли многомилліонныя массы трудового народа, который своимъ побѣдоноснымъ возстаніемъ вызвалъ въ то же время невѣроятное ожесточеніе всѣхъ слоевъ, связанныхъ съ финансовымъ капиталомъ.

Паденіе имперіалистскаго режима было подготовлено всей предыдущей исторіей революціи. Но это паденіе и побѣда пролетаріата, поддержаннаго деревенской бѣднотой, побѣда, раскрывшая сразу необъятные горизонты во всемъ мірѣ, не есть еще начало органической эпохи. Сопротивленіе буржуазіи перенесено лишь въ иные центры и въ иную сферу, и пролетарско-крестьянская власть поставлена передъ необходимостью сломить это сопротивленіе во что бы то ни стало.

Международный капиталъ, на всѣхъ перекресткахъ предающій анаѳемѣ «великій бунтъ» рабочихъ и солдатъ, поддерживаетъ всѣми средствами вооруженную борьбу контръ-революціи и «тихую сапу» буржуазной интеллигенціи и ея отечественныхъ покровителей. И передъ россійскимъ пролетаріатомъ становится такъ рѣзко, какъ никогда, проблема международной революціи.

Но человѣчество ставитъ себѣ лишь тѣ задачи, которыя оно можетъ разрѣшить. Вся совокупность отношеній, сложившихся въ Европѣ, ведетъ къ этому неизбѣжному концу. Такъ перманентная революція въ Россіи переходитъ въ европейскую революцію пролетаріата, вооруженнаго тѣмъ самымъ имперіалистскимъ государствомъ, надъ головой котораго онъ уже заноситъ сверкающій ножъ гильотины.

«Независимое» министерство—Московское Совѣщаніе

Побѣда контръ-революціи въ іюльскіе дни привела къ министерству изъ министровъ, «независимыхъ ни отъ кого, кромѣ своей совѣсти», т. е. по-просту цѣликомъ зависимыхъ отъ капитала. Лейбъ-органъ Милюкова «Рѣчь» декларировалъ это urbi et orbi: «Требованія кадетовъ — писала газета — несомнѣнно легли въ основу дѣятельности всего правительства... Именно поэтому, разъ основныя требованія кадетовъ были приняты, партія не сочла возможнымъ продолжать споръ изъ-за специфически-партійныхъ разногласій».

Но форма, въ которую вылилась фактическая побѣда контръ-революціи, была не формой чисто-кадетскаго правительства, а установленіемъ бонапартистскаго режима Керенскаго.

Іюльскія событія, которыя явились переломнымъ моментомъ революціонной борьбы, были, въ сущности, полу-возстаніемъ противъ буржуазіи. Масса рабочихъ и солдатъ, подталкиваемая политикой правительства, вышла на улицу, но она не была способна на рѣшительное дѣйствіе. Пролетарская партія, которая къ тому времени уже завоевала симпатіи петербургскихъ рабочихъ и солдатъ, понимая всю сложность положенія и безнадежность возстанія, высказывалась противъ выступленія, Послѣднее приняло такимъ образомъ половинчатый характеръ полумирной демонстраціи.

Если іюльское выступленіе было полувозстаніемъ, то въ извѣстной степени и побѣда контръ-революціи была полупобѣдой. Имперіалистскіе бѣсноватые не смогли устроить бойни, какъ они этого ни жаждали. Наступленіе контръ-революціи началось по всему фронту. Но силы позолоченннаго.

патріотизма фабрикантовъ и заводчиковъ, несмотря на прикрытіе казацкихъ нагаекъ, пулеметовъ, контръ-развѣдки и царской прокуратуры, оказались все же недостаточными для окончательнаго обезкровленія пролетаріата и гарнизона. Контръреволюція была еще недостаточно сильна для разгона совѣтовъ, въ то время какъ сами совѣты были уже безсильны, чтобы дать рѣшительный и властный отпоръ: предавшіе пролетаріатъ, съ печатью Каина на лбу, они страдали теперь сами подъ бременемъ послѣдствій этого предательства. Они превратились въ ширму, въ декоративную форму, за которой скрывалось реакціонное содержаніе. Но и подлинная демократія — рабочая демократія въ первую голову — не въ состояніи была рѣзкимъ ударомъ отбросить назадъ наглѣющій имперіализмъ: ибо она была, если и не разбита на голову, то все же обезсилена и временно дезорганизована.

Такъ создалось относительное равновѣсіе соціальныхъ силъ, создавшее основу для российскаго бонапартизма.

Бонапартизмъ характеризуется тѣмъ, что отдѣльныя личности получаютъ значеніе, далеко непропорціональное ихъ дѣйствительной роли. Они не имѣютъ подъ собой самостоятельной соціальной базы. Но тѣмъ не менѣе имъ принадлежитъ государственная власть. Фигура бонапартиста можетъ быть крупной сама по себѣ,—таковъ былъ Наполеонъ I, таковъ былъ Цезарь. Но она можетъ быть по существу жалкой и презрѣнной, какъ фигура Наполеона III, «проходимца на королевскомъ тронѣ» или фигура Керенскаго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, однако, соціальный смыслъ бонапартизма остается однимъ и тѣмъ же: онъ выражаетъ скрытую форму побѣды контръ-революціи, послѣднюю ступень передъ голой, неприкрытой властью реакціонной клики. Субъективно бонапартистъ воображаетъ, что онъ стоитъ между классами, используя для себя классовую борьбу, «лавируя» между классами. Объективно онъ лишь орудіе владѣющихъ классовъ, которые используютъ его. При такихъ условіяхъ такъ называемая борьба на два фронта есть прикрытая борьба фронта противъ революціи.

Обычно герой бонапартистской игры является ренегатомъ. Онъ долженъ пройти сперва извѣстный демократическій стажъ, прежде чѣмъ быть принятымъ въ политическіе салоны владыкъ міра. Ему нуженъ ореолъ «народнаго героя», «спасителя отечества». Ему нужна популярность среди массъ, маханье шапками и «народная любовь». Онъ можетъ быть авантюристомъ съ подозрительнымъ прошлымъ, или честнымъ революціонеромъ въ прошломъ, переходящимъ къ подозрительному настоящему; онъ можетъ быть штатскимъ, который становится военнымъ, стремящимся создать себѣ преторіанскую гвардію, или военнымъ, прибирающимъ къ своимъ рукамъ штатскія дѣла; онъ можетъ быть человѣкомъ дѣла, который своими «подви-

ами» демонстрируетъ свое геройство, или героемъ фразы, шарлатаномъ языка, который тѣмъ быстрѣе приводится въ движеніе, чѣмъ больше умственное убожество его владѣльца. Но онъ долженъ обязательно «спасать». Роль избавителя-мессіи — профессіональный ярлыкъ всякаго бонапарта.

Неудивительно, что когда финансовому капиталу потребовалось подставное лицо, этимъ лицомъ оказался Керенскій. Онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ элементы, нужные для того, чтобы денежная аристократія благосклонно наложила на этого «демократа» штемпель одобренія и признательности. Въ прошломъ — революціонеръ, но не изъ твердыхъ; герой весеннейр еволюцію, съ ея сантиментальными порывами и братаньемъ крестьянъ-солдатъ съ помѣщикомъ Родзянкой; театралъ и фразеръ до мозга костей, который умѣетъ и плакать, и смѣяться, и трагически рвать на себѣ волосы, и цѣловать землю — когда того требуютъ обстоятельства; любимецъ широкой публики и подающій надежды авантюристъ; спеціалистъ по проституированіи революціи, который краснымъ знаменемъ умѣло прикрываетъ имперіалистскій грабежъ; трусъ, который мужественно ругаетъ трусами своихъ политическихъ противниковъ; членъ соціалистической партіи, на каждомъ шагу обходящій ея постановленія; ставленникъ «полномочныхъ органовъ», въ глубинѣ души плюющій на эти органы; человѣкъ, спасшій отъ смертной казни Николая, но введшій, изъ «демократическихъ» соображеній, смертную казнь для солдатъ; сторонникъ революціи, бьющій эту революцію по лицу; борецъ съ германскимъ имперіализмомъ, продающій подъ «революціоннымъ соусомъ» кровь русскихъ солдатъ имперіализму англійскому и за кулисами тайной дипломатіи ползающій на колѣнахъ передъ союзнымъ капиталомъ; наконецъ, присяжный спаситель родины, съ благоговѣйнымъ хрипомъ произносящій ея имя, магъ и чародѣй, аттрибутами царскаго великолѣпія тонко намекающій на стезю спасенія, — развѣ это былъ не подходящій человѣчекъ для объединенныхъ заводчиковъ и горнопромышленныхъ тузовъ, мародеровъ и спекулянтовъ, получателей казенныхъ заказовъ и высокихъ дивидендовъ, крупныхъ рантье и помѣщиковъ, домовладѣльцевъ и кокотокъ, биржевыхъ шулеровъ и архіепископовъ православной церкви?

Бонапартистская власть Керенскаго должна была служить переходнымъ мостикомъ къ спасенію капиталистической прибыли и земельной ренты отъ посягательствъ рабочихъ и крестьянъ. Между народомъ и блокомъ крупныхъ собственниковъ эта власть выступила въ роли третейскаго судьи, «общенаціональной власти», стоявшей якобы надъ классами, но въ тайникахъ министерскихъ канцелярій обдѣлывавшей дѣлишки съ открытыми врагами народа. Верхи банкократіи думали уже перейти къ утвержденію своего несокрушимаго господства. перейдя че-

резъ мостикъ режима Керенскаго. Однако, они не учли одного обстоятельства, существенно отличавшаго скороспѣлый плодъ россійскаго бонапартизма отъ его западно-европейскихъ образцовъ. На Западѣ бонапартизмъ выросталъ уже послѣ того, какъ проблемы, поставленныя революціей, были разрѣшены; доморощенный же бонапартизмъ Керенскаго возникъ въ періодъ, когда почти всѣ задачи революціи еще ждали своего рѣшенія: крестьяне уже начинали терять терпѣніе, не получая земли; рабочіе и вся бѣднота жестоко страдали отъ разрухи; всѣ низы города и деревни вмѣстѣ съ солдатской массой жаждали мира. Словомъ, и субъективныя стремленія широкихъ народныхъ массъ, и объективное положеніе вещей не могло быть разрѣшено тѣми методами, которые имѣлись въ распоряженіи Керенскаго и выглядывавшаго изъ-за его спины Милюкова-Дарданелльскаго. Крахъ такой политики былъ неминуемъ, и онъ наступилъ раньше, чѣмъ того можно было ожидать.

«Независимое» правительство торжественно прокламировало гражданскій миръ и, какъ это подобаетъ проститутамъ революціи, заявило, что «вся непобѣдимая мощь русской революціи будетъ обращена на спасеніе Россіи и возстановленіе ея поруганной малодушіемъ и презрѣнной трусостью чести».

Подъ «спасеніемъ Россіи» эти господа понимали услуженіе капиталу. Подъ «презрѣнной трусостью»—революціонный духъ солдатъ, вопреки смертной казни шедшихъ противъ своихъ палачей. Подъ «мощью революціи»—яростные наскоки контръ-революціонной шайки. Какъ же не выставлять буржуазнымъ воротиламъ заслона въ видѣ такой хорошей «революціонной власти!».

Борьба съ революціей подъ флагомъ борьбы съ контръ-революціей—такова была сущность политики «независимаго» правительства. Буржуазная пресса, съ ея высоко-квалифицированными наемниками, на всѣ лады проповѣдывала, наряду съ теоріей шпіонажа, теорію «лѣвой контръ-революціи», благосклонно поощряя,—а иногда и покрикивая—на расторопныхъ услужающихъ въ министерскихъ покояхъ. «Контръ-революція—писала газета московскихъ милліонеровъ «Русское Слово»—пришла въ наши дни не съ той стороны, откуда ея ждали согласно теоріи и обычаю, не справа, но слѣва, не отъ «буржуевъ», а пришла съ крайняго лѣваго фланга русской революціи» [1]). А потому да здравствуетъ борьба съ «контръ-революціей!».

Такую директиву «независимому» правительству давали заправилы банка, биржи и синдикатовъ. На торгово-промышленномъ

---

[1]) «Р. С.» отъ 6/VIII—1917.

съѣздѣ въ Москвѣ, извѣстный богачъ и меценатъ Рябушинскій открыто выступилъ съ циничной программой разбойнаго удушенія революціи, разгона совѣтовъ, осады рабочаго класса голодомъ.

«Наше Временное Правительство — заявилъ Рябушинскій — находилось подъ вліяніемъ постороннихъ людей. У насъ фактически воцарилась кучка шарлатановъ... Власть не поощряетъ торгово-промышленныхъ классовъ... Необходимо, чтобъ государство встало хоть нѣсколько (!) на точку зрѣнія торгово-промышленнаго класса. Правительство должно буржуазно мыслить и буржуазно дѣйствовать... Быть можетъ, для выхода изъ положенія потребуется костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лже-друзей народа, демократическіе совѣты и комитеты». Бѣшеные апплодисменты толстосумовъ покрыли эту поистинѣ каннибальскую рѣчь. А въ ней уже черпало свое вдохновеніе правительство бонапартиста.

Если въ періодъ »зависимыхъ правительствъ» финансово-капиталистическая буржуазія прибѣгала къ организованному саботажу, то теперь, когда государственный аппаратъ фактически попалъ въ ея собственныя руки, она рѣшила одновременными ударами и въ сферѣ политики, и въ сферѣ экономики обезпечить себѣ закрѣпленіе своей побѣды.

Еще въ іюлѣ состоялся съѣздъ тринадцати важнѣйшихъ предпринимательскихъ организацій во главѣ съ Совѣтомъ Съѣздовъ Акціонерныхъ Банковъ. Короли нефти и сахара, угольные бароны и лѣсоторговцы, желѣзнодорожные тузы и монополисты кожи, металлургическіе цари и писчебумажные фабриканты, — всѣ они пришли къ единогласному заключенію, что необходимо всеросійское объединеніе капитала. Такъ возникъ «Главный Комитетъ Объединенной Промышленности», alias «Комитетъ защиты Промышленности».

«Защита промышленности» при ближайшемъ разсмотрѣніи сводилась къ нападенію на рабочихъ. Крупный капиталъ послѣ іюльскаго разгрома пролетарской партіи, уже предвкушалъ возстановленіе самодержавія на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ организаціи революціонныхъ рабочихъ взяли подъ уздцы своихъ собственныхъ господъ. Программа финансоваго капитала была коротко и ясно формулирована его оффиціальнымъ органомъ: «Промышленность и Торговля»: «Возстановленіе порядка на фабрикахъ и заводахъ», «желѣзная дисциплина въ тылу и на фронтѣ» [1]). А на основѣ этого «базиса» господа промышленники надѣялись создать и соотвѣтствующую надстройку, ограничивъ заработную плату рабочихъ, обезпечивъ себѣ максимальные дивиденты, введя для рабочихъ прину-

[1]) «Промышленность и Торговля», № 26-27.

дительно-каторжный трудъ и давъ рабочимъ понять, что «возродилась твердая власть».

Ученые и неучные сикофанты господствующихъ классовъ, которые чувствуютъ себя на содержанiи у капитала такъ же хорошо, какъ правовѣрный iудей въ лонѣ Авраамлѣ, дополняли и «обосновывали» эту программу. Печальникъ объ интересахъ землевладѣльцевъ профессоръ Мигулинъ, тотъ самый, который въ своей книжонкѣ «Къ трехсотѣлѣтiю дома Романовыхъ» поочередно лизалъ сапоги всѣхъ представителей этого, съ позволенiя сказать, «дома», украшалъ страницы «Новаго Экономиста» требованiемъ военной дисциплины на желѣзныхъ дорогахъ и защитой «основного права человѣка и гражданина» — права собственности. А газетная пресса уже разрабатывала планы расправы и обузданiя in concreto...

Временное Правительство довольно удачно «соотвѣтствовало» этой программѣ. Правда, оно не выходило изъ состоянiя перманентной удрученности, и временный его характеръ нисколько не противорѣчилъ постоянному характеру этой удрученности. Почти каждое засѣданiе правительства кончилась трагически: прiѣхала делигацiя съ фронта — ея докладъ призвелъ «удручающее впечатлѣнiе»; сообщаютъ о лѣсныхъ порубкахъ — правительство «удручено»; большевики пользуются успѣхомъ — правительство «удручено»; крестьяне требуютъ земли—оно опять «удручено»; бастуютъ рабочiе—на правительство это дѣйствуетъ «тягостно». Всѣ отчеты о его засѣданiяхъ непремѣнно заканчиваются этими словами. Это могло бы быть трагедiей, если бы на самомъ дѣлѣ не было комедiей. Ибо правительственная удрученность страннымъ образомъ нисколько не мѣшала ему расправляться съ народомъ такъ, какъ этого требовалъ капиталъ и крупное землевладѣнiе.

Противъ **крестьянъ** правительство Керенскаго обрушилось съ арестами, карательными экспедицiями, судами. Судили за нарушенiе старыхъ кабальныхъ договоровъ и за проведенiе въ жизнь иструкцiй Чернова; сажали рядовыхъ крестьянъ и членовъ земельныхъ комитетовъ; хватали простыхъ комитетчиковъ и предсѣдателей этихъ комитетовъ. И тѣ, и другiе, и третьи попадали на скамью подсудимыхъ и разселялись по даровымъ квартирамъ новаго «Величества». Такъ расправлялась власть въ Псковской, Могилевской, Подольской и др. губернiяхъ, очевидно, памятуя о соцiализацiи земли, которая значится въ программѣ партiи, возглавляемой Керенскимъ. Тутъ съ чрезвычайной яркостью проявился соцiальный смыслъ бонапартистской власти. По внѣшности — «мужицкое» правленiе крестьянскаго соцiалиста. Въ дѣйствительности — хищный кулакъ ростовщическаго капитала. На словахъ—земля и воля. На дѣлѣ—вооруженная защита помѣщичьей собственности. «Въ принципѣ» — свободная самодѣятельнось крестьянскихъ организацiй. Реально—

смирительная рубашка, уголовный судъ и провинціальные держиморды.

Противъ **рабочихъ** велась политика, которая требовалась объединенными промышленниками. Взять пролетаріатъ за горло они еще не могли. Но почти всѣ продукты законодательнаго творчества въ экономической области сводились къ всевозможнымъ рогаткамъ, которыя ставила имперіалистская государственная власть «нерадивымъ» рабочимъ, осмѣливавшимся посягнуть на священное «jus utendi et abutendi».

Еще болѣе откровеннымъ былъ натискъ на **политическія** организаціи пролетаріата и на его «права и вольности». Печать—поставлена почти внѣ закона. Собранія—предоставлены на благоусмотрѣніе двухъ министровъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ. Пролетарская партія стиснута клещами исключительнаго положенія, которое было тѣмъ хуже, чѣмъ произвольнѣе дѣйствовали усердные администраторы. И, какъ результатъ безпримѣрнаго пресмыкательства передъ мародерами міровой войны и торжества раболѣпнаго византійства, законодатели Зимняго Дворца возвѣстили всему міру новый законъ объ оскорбленіи иностранныхъ величествъ и ихъ представителей, карающій тюрьмой за разоблаченіе международнаго грабежа!

Крестьянская **армія** раздѣлила судьбу всего народа. Она была выдана «демократомъ» Керенскаго на потокъ и разграбленіе царскимъ генераламъ, которые организовали въ ставкѣ главный штабъ вооруженной контръ-революціи. «Желѣзная дисциплина», т. е. звѣрская, расправа съ солдатами; скорострѣльная военно-полевая юстиція которую измѣнники революціи имѣли наглость и безстыдство называть революціонной; система гнуснѣйшей клеветы на солдатъ, организуемая той же ставкой,—все это спуталось въ грязно-кровавый комъ, которымъ думали задавить революціонный духъ арміи.

Имперіалистская диктатура, которая въ лицѣ авантюриста отъ «революціи» наступила своимъ окровавленнымъ сапогомъ на всю страну, дала себя почувствовать и на **окраинахъ**. Развѣ можно было, въ самомъ дѣлѣ, позабыть о великомъ правѣ на самоопредѣленіе націй? И для демонстраціи этого права «демократическіе» прохвосты распустили **финляндскій сеймъ**, пригрозивъ ему вооруженной силой, а на **Украйнѣ** выставили аргументацію въ видѣ кирасиръ ради вящшаго торжества «свободы и революціи».

Въ то же время, когда россійскій имперіализмъ оскалилъ зубы противъ своихъ колоній, подъ покровомъ дипломатической тайны Керенскій и Терещенко разыгрывали отвратительную комедію распродажи своего соціалистическаго прошлаго, уславливаясь съ Ллойдъ-Джорджемъ относительно ликвидаціи **международной конференціи** соціальпатріотовъ въ **Стокгольмѣ**. Растерзавъ за кулисами государственныхъ секретовъ

несчастную затѣю «соціалистовъ», Ллойдъ-Джорджъ отъ имени четырехъ державъ Согласія заявилъ, что паспорта на конференцію не будутъ выданы, такъ какъ «въ тотъ моментъ, когда въ Россіи предприняты первые шаги для возстановленія дисциплины и для предупрежденія братанья на фронтѣ, ничего не можетъ быть пагубнѣе, чѣмъ конференція съ участіемъ непріятельскихъ подданныхъ».

А временный русскій подголосокъ британскаго имперіализма торжественно возвѣстилъ, что «рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ принадлежитъ исключительно ему въ единеніи съ правительствами союзныхъ странъ».

Если центральная государственная власть воплощала уже имперіалистскую диктатуру, то тѣмъ самымъ давался широкій просторъ для мобилизаціи контръ-революціонныхъ силъ. Поскольку старый, царистскій аппаратъ (охранка, переименованная въ контръ-развѣдку, судьи, чиновники, вся такъ называемая «администрація», генералитетъ и офицерство) еще существовалъ, поскольку онъ не былъ разгромленъ весенней революціей вдребезги, онъ снова началъ расцвѣтать, впитывая въ себя живительную влагу реакціи. Ему на помощь спѣшили добровольцы изъ буржуазіи, пресса, размножившіяся контръ-революціонныя ячейки, всевозможныя совѣщанія и съѣзды, монархическія организаціи, требовавшія «республики», и «республиканскіе» кружки, кричавшіе о монархіи, комплоты генераловъ и отцовъ церкви, георгіевскихъ кавалеровъ и тузовъ промышленности, сѣдовласыхъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и ударницъ, юнкеровъ и банкировъ, геморроидальныхъ сановниковъ и «лихого казачества».

Всѣ эти лица, группы, организаціи и общества, окрашенныя въ черно-зеленый цвѣтъ буржуазной реакціи, выражали собой блокъ собственниковъ, совокупную «партію порядка», которая шла сомкнутымъ строемъ противъ партіи пролетарскаго возстанія. Организующимъ дѣловымъ центромъ этой клики стало такъ называемое «совѣщаніе московскихъ общественныхъ дѣятелей», руководимое милліонерами во главѣ съ Родзянко и Ребушинскимъ, учеными консультантами которыхъ выступила, между прочимъ, вся «стая славныхъ»: авторъ перваго соціальдемократическаго манифеста проф. Струве; спеціалистъ по идеалистической философіи проф. Новгородцевъ, привлекшій категорическій императивъ Канта на службу палачамъ Керенскаго и несгораемымъ шкафомъ Рябушинскаго; проф. Булгаковъ, изъ марксиста превратившійся въ «ученаго батюшку», лишь по ошибкѣ не носящаго рясы; г-нъ Бердяевъ, удачно соединившій служеніе Афродитѣ Небесной со служеніемъ металлу самаго земного происхожденія, — словомъ «Bildung und Besitz» («образованные и владѣющіе»), «союзъ науки съ промышленностью», выступилъ, какъ оплотъ готовящагося рѣши-

тельнаго набѣга. А въ качествѣ «военной силы» къ нимъ присоединились генералы царя и верхи казачества.

Идейно-политическимъ штабомъ контръ-революціи оказались центральныя учрежденія «партіи народной свободы», этой классической партіи россійскаго финансоваго капитала и россійскаго имперіализма.

Банкъ господствуетъ теперь надъ синдикатами, биржей, торговлей и промышленностью. И подобно тому, какъ мелкое производство зависитъ теперь отъ крупнаго и вмѣстѣ съ нимъ зависитъ отъ банковъ; подобно тому, какъ домовладѣльцы и мелкіе буржуа, помѣщики и фабриканты, короли трестовъ и биржевые волки всѣ идутъ подъ гегемоніей финансоваго капитала,—ихъ политическія группировки стали лишь подсобнымъ аппаратомъ главенствующей партіи всѣхъ остервенѣлыхъ собственниковъ, партіи «народной свободы». Зеленое знамя надежды на сохраненіе капиталистическаго порядка противъ краснаго знамени соціализма!

Рѣшительный ударъ, который реакція хотѣла нанести революціи, долженъ былъ пройти подъ флагомъ «общенаціональнаго». Нужно было закрѣпить «завоеванія» капитала подъ соусомъ «порядокъ и отечество». Нужно было создать видимость общенаціональной санкціи для грядущаго окончательнаго переворота, для реставраціи и возврата къ монархіи, которой, какъ рыба воды, жаждали мартовскіе «республиканцы». Нужно было, наконецъ, создать себѣ прочную организаціонную базу. Такъ возникла идея Московскаго Государственнаго Совѣщанія, новаго Земскаго Собора, гдѣ «мертвецы» Государственной Думы должны были схватить за горло россійскую революцію.

Чѣмъ болѣе укрѣплялась буржуазія, тѣмъ сильнѣе росли ея аппетиты. Теперь буржуазнымъ верхамъ казалась уже недостаточной политика Керенскаго и его клики. Керенскій осуществлялъ ея диктатуру. Но Керенскій былъ человѣкомъ пришлымъ, приблудшимъ къ буржуазіи. Керенскій служилъ капиталу не за страхъ, а за совѣсть. Но у Керенскаго были «грѣхи молодости». Керенскій готовъ былъ прикладываться къ «задней» капитала. Но Керенскій былъ все же героемъ фразы, а не дѣла. Свое назначеніе онъ уже исполнилъ: онъ помогъ капиталу привязать народныя массы къ имперіалистической колесницѣ іюньскимъ наступленіемъ; онъ помогъ капиталу обуздать рабочихъ и солдатъ іюльскимъ разгромомъ пролетаріата; онъ ввелъ смертную казнь на фронтѣ. Но онъ уже почти цѣликомъ использовалъ свою популярность. Свершивъ все, что требовала отъ него буржуазія, онъ потерялъ всякій кредитъ у массы. Исполнивъ свое назначеніе для «капитановъ промышленности» онъ уже сдѣлалъ свое имя ненавистнымъ для пролетаріата и солдатъ. Онъ сталъ выжатымъ лимономъ, фразеромъ, фразы

котораго только смѣшны. Онъ продолжалъ говорить именемъ революціи, но ему бросали уже въ лицо имя измѣнника революціи. Его заклинанія не дѣйствовали. Его фигура перестала импонировать. За внѣшнимъ блескомъ и трагическимъ шопотомъ массы уже разглядѣли зауряднаго проходимца.

Буржуазія требовала теперь военнаго диктатора, а Керенскій былъ всего на всего штатскимъ болтуномъ.

Такъ возникла почва для появленія новаго претендента на историческую роль «спасителя отечества». Этимъ претендентомъ денежная аристократія, торгово-промышленные круги и владѣльцы латифундій назначили Корнилова. Московское Совѣщаніе должно было провозгласить диктаторомъ избавителя-генерала.

А «революціонная демократія?» Она находилась въ состояніи полной растерянности и простраціи. Совѣтскіе органы, во главѣ съ Ц. И. К., продолжали твердить о соборѣ «всѣхъ живыхъ силъ», но обезпокоенныя лозунгами Рябушинскаго, они начали уже боязливо озираться по сторонамъ. Они пытались созвать «совѣщаніе по оборонѣ», но единственнымъ послѣдствіемъ его были нападки на большевиковъ. Они пытались «критиковать» Рябушинскихъ, но ихъ критика была лишь жалкимъ лепетомъ трусливаго раба. Исключивъ изъ делегаціи большевиковъ за «антипатріотизмъ», они на дѣлѣ присоединились къ «общенаціональнымъ» лозунгамъ правительства, бѣжавшаго отъ революціи въ Москву.

Но на стражѣ стоялъ пролетаріатъ. Онъ видѣлъ грозную опасность, которая придвигалась все ближе и ближе, и мобилизовалъ свои силы.

Московское Совѣщаніе—заговоръ Корнилова.

Стачкой протеста, возмущенія и презрѣнія встрѣтилъ московскій пролетаріатъ съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ представителей «народа» въ генеральскихъ лампасахъ, фракахъ и архіерейскихъ митрахъ.

«Да здравствуетъ всеобщая стачка, наше первое грозное предостереженіе господамъ контръ-революціонерамъ!»—писалъ московскій органъ партіи пролетаріата «Соціальдемократъ». 41 профессіональный союзъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ объявить эту стачку. Правда, трусливые «революціонеры» изъ Московскаго Совѣта, эсеры и меньшевики, которые, будучи на словахъ представителями массъ, ничего такъ не боялись, какъ выступленія этихъ массъ, поспѣшили тотчасъ же «отмѣнить» стачку и вынесли резолюцію, объявляющую, что

стачка «гибельна для революціи». Но московскій пролетаріатъ снова подтвердилъ свое рѣшеніе, и четыреста тысячъ рабочихъ, какъ одинъ человѣкъ, подхватили лозунгъ своихъ классовыхъ организацій. И въ то время, какъ на имя предсѣдателя черносотенной Думы Родзянки каждый день приходили поздравительныя телеграммы отъ биржевыхъ комитетовъ, союзовъ землевладѣльцевъ и торгово-промышленныхъ организацій, со всѣхъ сторонъ слетались извѣстія о стачкахъ и демонстраціяхъ революціоннаго пролетаріата.

Такимъ образомъ, «общественное сознаніе» буржуазно-генеральско-помѣщичьихъ верховъ самымъ рѣзкимъ образомъ столкнулось съ «общественнымъ сознаніемъ» пролетаріата. «Да здравствуетъ военная диктатура!» кричали цензовики. «Долой контръ-революцію!» заявлялъ рѣшительно пролетаріатъ.

Буржуазно-монархическая клика поставила себѣ цѣлью дѣйствовать двумя путями: путемъ «парламентскаго» выступленія на «Государственномъ Совѣщаніи» и путемъ внѣпарламентскаго выступленія юнкеровъ, казаковъ и офицерства во главѣ съ реакціоннымъ генералитетомъ и подъ личной диктатурой Корнилова. Почва для такого выступленія усиленно подготовлялась. Въ Москву вызывались казачьи полки. Георгіевскіе кавалеры спѣшно мобилизовали свои контръ-революціонныя ячейки. Начальники военныхъ училищъ приводили въ боевой порядокъ пулеметы и взывали къ юнкерамъ, предлагая или «стать грудью». А для городского обывателя, мелкихъ лавочниковъ, лабазниковъ, многочисленныхъ чиновниковъ, салопницъ, «интеллигенціи», всѣхъ этихъ адвокатовъ и журналистовъ, учителей и профессоровъ, поповъ и бывшихъ околоточныхъ, судейскихъ крючковъ и инженеровъ, артистокъ и докторовъ медицины—готовился торжественный въѣздъ Корнилова, который подъ тріумфальными арками долженъ былъ проѣхать «приложиться», по образцу царей, къ Иверской, мимо шпалерами выстроенныхъ войсковыхъ частей, кричащихъ «восторженное ура» избавителю буржуазнаго міра, и мимо публики устилающей его путь цвѣтами.

Обыватель, который раньше аплодировалъ Керенскому, а въ мартѣ плакалъ слезами умиленія передъ «первымъ революціонеромъ» Родзянкой, этотъ мелкій буржуа, привязанный къ колесницѣ имперіализма, прямо жаждалъ «порядка» и «твердой власти». Его возмущало положительно все: его возмущали солдаты, которые даромъ висѣли на подножкахъ трамвая, и онъ искренно радовался, когда они расшибали себѣ лбы: его возмущали горничныя и дворники, которые получали уже не 10 рублей въ мѣсяцъ и которые осмѣливались требовать для себя человѣческаго существованія; его возмущали Совѣты, которые «грабили» домовладѣльцевъ, реквизируя пустыя помѣщенія.

Какъ базарная торговка, онъ жадно ловилъ ухомъ всякую сплетню, направленную противъ революціи, и тотчасъ размножалъ ее въ своихъ листкахъ, газетахъ, прокламаціяхъ, разговорахъ вслухъ и нашептываньяхъ на ушко. Въ этомъ трогательно сходились засаленная куртка торговца свининой и изящный костюмъ театральной балерины.

И вотъ этотъ-то обыватель и долженъ былъ играть роль «народа», коронующаго совмѣстно съ «Государственнымъ Совѣщаніемъ» новаго Мессію, который долженъ спасти «порядочныхъ людей» отъ «тиранніи невоюющихъ солдатъ и неработающихъ рабочихъ» [1]).

Московское Совѣщаніе, объявленное уже «Государственнымъ», оказалось исторической комедіей первѣйшаго ранга. Врядъ ли можно подыскать примѣръ большого лицемѣрія, чѣмъ тѣ сцены, которыя, какъ по нотамъ, разыгрывались въ оперномъ залѣ Большого Театра. Все, что происходило тамъ, было сдѣлкой, имѣвшей видъ борьбы, для того, чтобы не быть борьбой, не похожей ни на какую сдѣлку.

«Совѣщаніе» было сдѣлкой мелкобуржуазныхъ вождей съ цензовиками; но въ то же время оно было сдѣлкой двухъ диктаторовъ: одного, который уже былъ, и другого, пришествіе котораго лишь ожидалось.

«Выравниваніе фронта производилось по лозунгамъ партіи народной свободы»— писалъ кадетскій оффиціозъ «Рѣчь» [2]), подводя итоги комедійному дѣйству. Такимъ образомъ, оно, какъ казалось, болѣе или менѣе выполнило свою задачу.

Совѣщаніе говорило отъ имени «націи». На самомъ дѣлѣ, изъ него была исключена основа націи, пролетаріатъ и бѣднѣйшіе крестьяне. Зато были представлены всѣ оттѣнки собственническаго блока. Торговля велась безъ хозяина. Но отъ этого она не переставала быть торговлей.

Государственно-надменная хрипота Керенскаго, обѣщавшаго желѣзо и кровь для пролетаріата, была введеніемъ въ отвратительныя сцены братанья между лощеными воротилами капитала и героями мелкобуржуазныхъ предательствъ, между бонапартомъ, вышедшимъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, и диктаторомъ изъ казацкихъ генераловъ.

Керенскій зналъ, что Корниловъ стягиваетъ войска, чтобы произвести вооруженный переворотъ. Но онъ привѣтствовалъ его, какъ «перваго солдата Революціи» подъ восторженный ревъ всѣхъ зубровъ и биржевыхъ акулъ. А въ то же время, «на всякій случай», дѣлались контръ-приготовленія, и оба соперника предусмотрительно отправлялись ночевать въ

[1]) «Новое Время», 11—VIII—17.

[2]) «Рѣчь». 16—VIII—17.

вагоны, готовые каждую минуту къ спѣшному отъѣзду. Церетели зналъ, что демократіи нечего ждать отъ развивающейся на всѣхъ парахъ реакціи. Но онъ трогательно жалъ руку дѣльцу финансовой клики Бубликову, умоляя—какъ писали потомъ «Извѣстія» оборонческаго Ц. И. К.—«сгладить на время классовыя недоразумѣнія».

Тріумвиратъ: Алексѣевъ, Корниловъ, Калединъ—развилъ полностью палаческую программу финансоваго капитала. Расправа съ революціей, уничтоженіе «совѣтовъ и комитетовъ», сметеніе съ лица земли или полное обезвреженье армейскихъ организацій—такова была программа генераловъ, одобренная заводомъ, помѣстьемъ, банкомъ и биржей. Но не только ими непосредственно. Программная рѣчь, которую читалъ Корниловъ, была написана для генерала подручнымъ Керенскаго, Филоненкой, тѣмъ самымъ Филоненкой, который вмѣстѣ съ Савинковымъ сочинилъ для Керенскаго проектъ смертной казни для солдатъ. Нечего и говорить, что Милюковы и Рябушинскіе намѣчали ту же линію, какъ и ихъ военныя друзья.

Такъ называемая «демократія», т. е. совѣтскіе вожди, гласные думъ, служащіе кооперативовъ, которые выступали подъ псевдонимомъ революціи, явилась на Совѣщаніе съ деклараціей, урѣзывавшей и безъ того урѣзанную платформу оборонцевъ. Борьба за миръ исчезла почти вовсе (вѣдь, недаромъ писала газета охранниковъ «Новое Время», что «Россія оказалась совсѣмъ не интернаціональнымъ сбродомъ»!)—все свелось къ «общенаціональному» лозунгу обороны. «Трезвость» и «реалистность» отъ начала до конца! Ни шагу безъ позволенія хозяина, который уже кричитъ: «цыцъ»! Даже органъ умѣренной революціонности и революціонной умѣренности: «Новая Жизнь», оцѣнивая декларацію Чхеидзе, удивленнно вопрошала: «Могла ли пожелать чего большаго самая пылкая фантазія Милюкова и Гучкова два мѣсяца тому назадъ?»

Но аппетиты буржуазіи росли съ каждымъ часомъ; отъ нея нечего было ждать благодарности капитулянтамъ «демократіи». И когда Черновъ, этотъ мелкій политическій мошенникъ, прикрывающій свою трусость разсужденіемъ объ этикѣ, сталъ апплодировать Каледину, протестовавшему противъ обвиненій казаковъ въ контръ-революціонности, бравый генералъ плюнулъ ему въ лицо своимъ отвѣтомъ, заявивъ, что «пораженцамъ нѣтъ мѣста въ правительствѣ!» Какъ много ни говорилось о «жертвахъ,» «взаимныхъ уступкахъ», «общенаціональныхъ задачахъ»; сколько слезъ ни проливалъ «благородный» Церетели, сколько анекдотовъ ни разсказывалъ «вождь въ отставкѣ» Плехановъ, сколько поученій ни расточалъ безгосударственный почитатель Государственнаго Совѣщанія князь Кропоткинъ, совмѣстно со всѣми бабушками и дѣдушками русской революціи, капиталисты и ихъ идеологи стояли на своемъ.

И по существу дѣла они настояли: «демократія» оказалась послушной. Ее можно было взять голыми руками.

Но мелкій лавочникъ трубитъ о своей побѣдѣ даже тогда, когда его бьютъ по щекѣ: помилуйте, вѣдь, у него есть еще одна щека, которая могла бы быть бита! Поэтому каждое свое пораженіе «демократическіе» вожди разсматривали, какъ побѣду. Нѣкоторые изъ нихъ признавали, что «демократія» отступила. Но именно потому — утверждалъ «органъ соціалистической мысли» «День», который сдѣлалъ свою мысль содержанкой банковаго капитала — «именно потому, что она (т. е. демократія) была сильна, она имѣла смѣлость отступить». «Смѣлость отступить!»—такова была «смѣлость» господъ Церетели и Чхеидзе.

Если результатомъ Московскаго Совѣщанія была сдѣлка съ равненіемъ направо, то это было на руку не только естественнымъ реакціонерамъ: въ этомъ былъ кровно заинтересованъ и международный капиталъ. Союзные послы, набившіе царскую ложу, никого не привѣтствовали такъ горячо, какъ кровожадную генеральскую тройку. Немудрено, что «ближайшимъ результатомъ Московскаго Совѣщанія явилась возможность заключить на заграничномъ рынкѣ пятимилліардный заемъ» [1]). Это было тѣмъ болѣе «возможно», что генералъ Корниловъ открыто угрожая сдачей Риги, требуя смертной казни въ тылу. Эту угрозу онъ впослѣдствіи «выполнилъ».

«Государственное Совѣщаніе» не превратилось въ Долгій Парламентъ, какъ на то надѣялись господа нововременцы. Но не произошло и внѣшняго переворота, котораго такъ усиленно ждали буржуа всѣхъ мастей. Правда, «имя» «героя» было уже у всѣхъ на устахъ. Военный авантюристъ, «честная шпага», недалекій, но прямо идущій къ цѣли, этотъ коренастый генералъ съ калмыцкой физіономіей, имѣвшій твердую рѣшимость залить кровью рабочихъ улицы городовъ и разстрѣлами покончить съ революціонными солдатами, былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для Милюкова и Рябушинскаго. Къ нему на аудіенцію являлись съ докладами, какъ являются съ докладами къ «высочайшимъ особамъ»: Путиловъ и Рябушинскій, подозрительный дипломатъ Аладьинъ, вождь кадетской партіи Милюковъ, — всѣ они поочередно припадали къ стопамъ палача.

Но какъ ни хотѣлось жаждавшимъ генеральской диктатуры, чтобы Московское Совѣщаніе санкціонировало coup d'état, переворота не было. Господа генералы увидали, что пролетаріатъ, который всеобщей стачкой встрѣтилъ съѣхавшихся хищниковъ, далъ отпоръ. Нужно было выгадать время. Нужно было лучше мобилизовать военные силы контръ-революціи, чтобы рѣшительнымъ ударомъ обезкровить мятежныхъ рабочихъ.

Заговоръ былъ отложенъ, но не отмѣненъ.

---

[1]) «Биржевыя Вѣдомости», 17—VIII—17.

Самой крупной подготовительной операціей къ этому заговору была чудовищная провокація на фронтѣ. Корниловъ сдалъ Ригу въ обмѣнъ на смертную казнь. Нарочно, по частямъ, посылались на вѣрную гибель лучшіе полки латышскихъ стрѣлковъ, сплошь большевистскіе. Корниловъ игралъ безъ проигрыша. Если они откажутся повиноваться приказу, на нихъ можно взвалить пораженіе и уничтожить ихъ руками палачей. Смертная казнь запляшетъ тогда по всей странѣ. Если они повинуются, то они погибнутъ отъ нѣмецкихъ пуль. Они повиновались, чтобы не дать возможности проходимцамъ контръ-революціи клеветать на большевиковъ. И они погибли. Но ихъ гибель не спасла отъ клеветы. Въ то самое время, какъ Корниловъ секретными свѣдѣніями «успокаивалъ» союзныхъ мародеровъ, сообщая имъ истинные мотивы сдачи Риги, онъ пускалъ изъ ставки самую гнусную клевету на солдатъ. Напрасно протестовали армейскія организаціи; напрасно протестовали даже комиссары Временнаго Правительства; напрасно Войтинскій, который въ іюльскіе дни призывалъ къ разстрѣлу рабочихъ, «передъ лицомъ всей страны» клялся въ томъ, что солдаты вели себя геройски. Ставка непрерывно лгала, сообщая о самовольныхъ уходахъ съ позиціей, о неподчиненіи приказамъ, о нѣмецкихъ агентахъ. Новая мутная волна небывалой лжи и предательской травли солдатъ захлеснула всю страну. «Высокопатріотическія» газеты магнатовъ капитала изображали армію, какъ сбродъ жалкихъ трусовъ, какъ дикую банду погромщиковъ. А въ отвѣтъ на русскія оффиціальныя сообщенія, исходившія отъ «верховнаго главнокомандующаго» несся откликъ капиталистической прессы Запада и Америки. «Matin» и «Times», «Temps» и «Daily Chronicle» такъ и пестрѣли эпитетами отборной брани по адресу арміи, предаваемой генералами и буржуа: «бѣгство безъ боя», «неподчиненіе приказамъ», «нелѣпые армейскіе комитеты», «измѣничество, наблюдающееся въ русскихъ войскахъ», «возстановленіе желѣзной дисциплины»— словомъ, вся россійская терминологія охранниковъ «Новаго Времени» и имперіалистовъ «Рѣчи» была блестяще усвоена «союзниками», которые были тайно информированы обо всемъ и которые только помогали Милюковымъ добиться желанной цѣли: казней.

А «демократія?» Соглашательская рать продолжала свою прежнюю политику: запуганная воплями объ «анархіи», жалкая, побитая, эта «демократія» Чхеидзе и Церетели, Либера и Дана находила въ себѣ лишь мужество обрушиваться на большевиковъ, которые вели энергичную кампанію противъ разстрѣловъ и казней. Дѣло дошло до того, что «Новое Время» съ полнымъ правомъ писало: «Откройте «Извѣстія С. Р. Д.». Именно то, что печаталось въ «Новомъ Времени» въ апрѣлѣ, теперь заполняетъ любой столбцы этого правительственнаго вѣстника. Съ опозда-

ніемъ на два мѣсяца?—Это вообще норма для медленнаго мышленія товарищей» [1]).

«Съ опозданіемъ на два мѣсяца» революціонная (!) демократія (!!) придвинулась къ позиціи суворинныхъ дѣтей!

Но если теряющій довѣріе массъ блокъ мелкобуржуазныхъ партій занимался перманентной капитуляціей передъ контръ-революціонными силами, то блокъ этихъ послѣднихъ продолжалъ готовиться къ организаціи выступленія. Въ тылу и на фронтѣ, въ столицахъ и на Дону формировались боевые центры контръ-революціи. «Верховный Главнокомандующій» и «первый солдатъ Революціи» лихорадочно перераспредѣлялъ военныя силы, выводя изъ центровъ революціи революціонныя войска и набивая ихъ «надежными» кавалерійскими частями.

Вся эта подготовительная работа велась подъ лозунгомъ, выдуманнымъ кадетско-генеральскими провокаторами: «борьба съ заговоромъ большевиковъ». Подготовляя заговоръ помѣщиковъ и капиталистовъ, они кричали о заговорѣ рабочихъ; уводя войска съ фронта, они обвиняли партіи пролетаріата въ измѣнѣ; организуя контръ-революцію, они вопили о контръ-революціонности рабочихъ и солдатъ; идя на гражданскую войну, они барабанили о гражданской войнѣ со стороны пролетаріата; съ оружіемъ въ рукахъ отстаивая барыши капитала, они объявляли лозунгомъ рабочихъ лозунгъ французской буржуазіи: «enrichissez vous!» («обогащайтесь!»)

Каждый день капиталистическія газеты «назначали» большевистское возстаніе. Каждый день они писали о грядущихъ «погромахъ», которые якобы будутъ производить большевики наускивая обывателя, который по природѣ труслив, но который становится кровожаднымъ, лишь только онъ почувствуетъ себя въ безопасности, шулера крупнаго капитала «создавали настроеніе» для окончательнаго удара.

«Трезво оцѣнивая положеніе — секретно телеграфировалъ министру иностранныхъ дѣлъ директоръ дипломатической канцеляріи при штабѣ въ ставкѣ Трубецкой — приходится признать, что весь командный составъ, подавляющее большинство офицерскаго состава и лучшія строевыя части арміи пойдутъ за Корниловымъ. На его сторонѣ станетъ въ тылу все казачество, большинство военныхъ училищъ, а также лучшія строевыя части. Къ физической силѣ слѣдуетъ присоединить... моральное сочувствіе всѣхъ несоціалистическихъ слоевъ населенія, а въ низахъ... равнодушіе, которое подчинится всякому удару хлыста. Нѣтъ сомнѣнія, что громадное количество мартовскихъ соціалистовъ не замедлитъ перейти на сторону ихъ... Говорить, что **Корни-**

[1]) «Новое Время», 19—VII—17

довъ подготовляетъ торжество Вильгельма не приходится въ ту минуту, когда германскимъ войскамъ остается преодолѣвать только наши пространства».

Такъ расцѣнивали «реальное соотношеніе силъ» заговорщики контръ-революціи.

По существу дѣла контръ-революціонный комплотъ обнималъ собою три сферы. Самый обширный кругъ включалъ въ себя и Временное Правительство во главѣ съ Керенскимъ. Это была сдѣлка двухъ диктаторовъ противъ революціи, сдѣлка, которая закрѣплялась въ многочисленныхъ закулисныхъ переговорахъ, скрытыхъ не только отъ глазъ народа, но и отъ руководителей той самой «демократіи», которая все еще шла за Керенскимъ. Второй, болѣе узкій кругъ—это заговоръ Корнилова въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь были мобилизованы всѣ наиболѣе надежныя силы контръ-революціи во главѣ съ реакціоннымъ генералитетомъ. Наконецъ, третьей сферой, заговоромъ въ заговорѣ, былъ монархическій заговоръ кучки бывшихъ придворныхъ Николая, подъ руководствомъ пары сенаторовъ, титулованныхъ гвардейскихъ офицеровъ, бывшей фрейлины Маргариты Дурново, великихъ князей и прохвостовъ-знахарей изъ дворцовой клики.

Керенскій, который отлично понималъ, что буржуазіи нуженъ уже не онъ, а Корниловъ, шелъ все дальше и дальше по пути приспособленія къ контръ-революціонному курсу. Но ему нужна была хоть видимость связи съ массами. Его положеніе по существу было такое же, какъ положеніе провокатора, запутавшагося въ сѣтяхъ охранки: если онъ не выдаетъ, его расчитываютъ; но его расчитываютъ и тогда, когда онъ разоблаченъ революціонерами, которыхъ онъ предавалъ. Керенскій потерялъ уже почти весь кредитъ у массъ. Но для выполненія своей почтенной функціи онъ долженъ былъ еще дѣлать грозный жестъ направо, чтобы въ дѣйствительности душегубствовать по отношенію къ лѣвымъ.

Выступить открыто противъ Корнилова — значило бы порвать съ финансовой кликой и генералами; войти съ ними открыто же въ союзъ—значитъ уничтожить послѣдніе остатки довѣрія къ своей собственной персонѣ, репутація которой и безъ того была явно подмоченной. При такихъ условіяхъ оставалось одно: разыгрывая комедію борьбы, въ дѣйствительности итти на закулисныя сдѣлки, т. е. фактически вступить въ заговоръ противъ революціи. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что всѣ подручные Керенскаго были отъявленные корниловцы: Савинковъ, Филоненко, Бурцевъ, не говоря уже о членахъ кадетской партіи были горячими сторонниками государственнаго переворота въ пользу дворянскаго помѣстья и банкирской конторы. Вотъ почему первыя приготовленія къ бою (и къ бою уже не только съ «большевиками», но съ

меньшевистко-эсеровскими **совѣтами**) были сдѣланы по распоряженію бонапартистскихъ комедіантовъ; и Савинковъ, съ согласія Керенскаго, подтягивалъ къ Петербургу 3-ій конный корпусъ для расправы съ той самой революціонной демократіей, сторонникомъ которой онъ себя выдавалъ.

26 августа Корниловъ предъявилъ свой ультиматумъ черезъ кн. Львова, одного изъ министровъ перваго «революціоннаго» правительства. Керенскій «арестовываетъ» Львова. Корниловъ, въ ставкѣ котораго засѣли «общественные дѣятели», выпускаетъ торжественный манифестъ «къ русскому народу», гдѣ объявляетъ, что правительство — въ рукахъ нѣмцевъ и большевиковъ. «Военныя дѣйствія» начинаются...

Въ то самое время, какъ Гучковъ, Родзянко, Набоковъ и прочіе вожди кадетско-черносотенной буржуазіи организуютъ разбойничій набѣгъ изъ ставки, кадетскіе министры взрываютъ правительство извнутри, чтобы обезсилить своихъ глуповатыхъ «соціалистическихъ» коллегъ. Кабинетъ съ шумомъ и трескомъ разлетается. Начинается невѣроятная суматоха среди «верховъ». Послѣ уламываній, переговоровъ, угрозъ и просьбъ, среди сѣти грязнѣйшихъ интригъ, выплываетъ на свѣтъ божій правительство **Керенскаго — Кишкина.**

Биржа отвѣчаетъ на выступленіе Корнилова всеобщимъ повышеніемъ цѣнностей. **Международный капиталъ** въ своей прессѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ апплодируетъ «спасителю Россіи». Не только органы союзной банкократіи, вродѣ «Times'а», «Temps» или наемниковъ американскихъ трестовъ, но и нѣмецкая имперіалистская печать громко привѣтствуетъ новаго героя. Англійское правительство предоставляетъ въ распоряженіе Корнилова свои броневики, чтобы помочь расправѣ съ краснымъ Петербургомъ. **Оружіе и финансы** направляются противъ рабочихъ и крестьянъ.

Одновременно съ движеніемъ корниловскихъ войскъ на Петербургъ ультиматумъ контръ-революціи подкрѣпляется угрозой **открыть фронтъ нѣмцамъ**. Правая рука Корнилова, генералъ Лукомскій, заявляетъ, что фронтъ будетъ открытъ, и будетъ заключено сепаратное перемиріе для того, чтобы бросить войска на кровавую баню въ столицѣ. Штемпелеванные патріоты, присяжные охранители «національной гордости», Георгій Побѣдоносцы съ чернымъ сердцемъ и красной подкладкой, эти генералы готовы были униженно ползать передъ прусскимъ штыкомъ, лишь бы направить часть войскъ противъ пролетаріевъ!

Буйный вѣтеръ пронесся надъ страной. **Пролетаріатъ**, который все время былъ на сторожѣ, который тщетно взывалъ и предостерегалъ мелкобуржуазную демократію о смертельной опасности, встрепенулся. Рабочіе столицъ и провинцій взялись за оружіе. Повсюду, гдѣ только была хоть малѣйшая возможность достать стальныхъ защитниковъ свободы, пролетаріи

вооружались. Петербургъ мигомъ создалъ красную гвардію. Рабочіе пушечныхъ заводовъ разомъ вдвое повысили производительность этихъ заводовъ и стали выбрасывать пулеметы пушки и снаряды для обороны отъ классовыхъ противниковъ. Пролетарская партія, большевики, выкинула лозунгъ борьбы до послѣдней капли крови, борьбы не за Керенскаго, а за революцію. И повсюду, въ этотъ критическій моментъ, на опасные посты ходомъ самой борьбы выдвинулся рабочій классъ и его партія.

Совѣты и мелкобуржуазная демократія въ смертельномъ ужасѣ бросились къ пролетаріямъ. Большевистскіе матросы Кронштадта, на которыхъ столько клеветали, которыхъ называли контръ-революціонерами и врагами свободы, были провозглашены ея лучшими защитниками и спѣшно вызваны въ Петербургъ. Рабочіе, противъ которыхъ въ іюлѣ призывались «надежныя» кавалерійскіе полки и «ударники,» были объявлены оплотомъ революціи. Партія пролетаріата, которая раньше третировалась, какъ сбродъ преступниковъ, провокаторовъ и шпіоновъ, была реабилитирована въ двадцать четыре часа и признана желаннымъ союзникамъ. Совѣтскіе вожди мелкой буржуазіи шарахнулись въ сторону рабочаго класса: они отлично понимали, что контръ-революція имѣетъ свою логику; они знали, что побѣдоносная корниловская шайка смететъ, не только большевиковъ, но и всѣхъ соглашателей; они видѣли, что реакція готота уничтожить всѣ, «совѣты и комитеты», по требованію Милюкова и Рябушинскаго. И, дрожа всѣми конечностями, они стали жалобно визжать о «единствѣ революціоннаго фронта».

Напоръ массъ былъ силенъ чрезвычайно. Буквально всѣ рабочія организаціи стали на ноги. Въ совѣтахъ, несмотря на соглашательское большинство, запульсировала новая, боевая жизнь. Повсюду—въ столицахъ и въ глухихъ провинціальныхъ городахъ—создавались революціонные органы власти. Въ Петербургѣ и Москвѣ снова появился на сцену вооруженный народъ. И вездѣ, гдѣ только шла рѣчь о мобилизаціи силъ, о вліяніи на гарнизонъ, объ отвѣтственныхъ боевыхъ коллективахъ, партія пролетаріата оказывалась самой подвижной, самой смѣлой, самой рѣшительной и боеспособной организаціей.

Корниловское возстаніе отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть. Военныя силы Корнилова, которыя шли на Петербургъ, будучи обмануты своими генералами, разлагались при первомъ соприкосновеніи съ войсками, которыя высылались противъ нихъ не столько игравшими комедію борьбы Керенскимъ, сколько совѣтскими организаціями, къ которымъ фактически перешло военное руководство. А въ городскихъ центрахъ, гдѣ георгіевскіе кавалеры, ударники и ударницы, офицеры и генералы такъ много говорили о свѣтломъ «днѣ» и гдѣ они съ такимъ «мужествомъ» носили корниловскіе значки, демонстрируя свои

суверенное презрѣніе къ «разнузданной черни»—эти герои совсѣмъ не рѣшились выступить. Они знали цѣну своимъ союзникамъ—обывательской массѣ, которая смѣла только тогда, когда она въ безопасности. Поддержка Каледина, который долженъ былъ двигаться съ юга и отрѣзать сѣверъ отъ подвоза хлѣба, выразилась лишь въ томъ, что на Москву вмѣсто хлѣба въ теченіе нѣсколькихъ дней двигались вагоны съ арбузами и подсолнухами. Разбойное нападеніе на народъ провалилось. Заговорщики явно переоцѣнили свои силы. Но они и недооцѣнили силъ революціи. «Городскіе низы» не только не выражали склонности подчиниться «удару хлыста», какъ на то надѣялись бандиты капитала. Эти низы, въ отвѣтъ на выступленіе генерала, единодушно воскликнули: «Смерть или побѣда!», и съ энтузіазмомъ, который способенъ развить только трудящійся, сіящій вдохновеніемъ, понимающій свои великія историческія задачи, молодой и героическій классъ, они бросились на аванпосты гражданской войны.

Братанье было основнымъ методомъ разложенія корниловскихъ войскъ. Даже полудикіе текинцы, изъ которыхъ лихой генералъ сформировалъ отборныя когорты для спасенія буржуазной цивилизаціи, даже эти «дикари», которыхъ вздумали приручить для расправы съ гуннами «соціализма, коммунизма и анархіи», теряли свою раболѣпную преданность Корнилову. Военное наступленіе на внутреннемъ фронтѣ, которое подготовлялось въ изысканнѣйшихъ салонахъ россійскихъ меценатовъ, о которомъ буржуазная печать малиновымъ звономъ звонила во всѣ колокола, это выступленіе вдругъ сморщилось, какъ проткнутая спицей вербная колбаса, а суровый герой буржуазіи предсталъ, какъ упрямый тупица, который отличается всѣмъ чѣмъ угодно, но только не геніальностью побѣдоносца.

Корниловскій мятежъ сыгралъ роль, прямо противоположную той, которой добивалась буржуазная каморра: онъ раскрылъ глаза не только отсталымъ рабочимъ, но и крестьянамъ, не только тылу, но и фронту; онъ вызвалъ крупнѣйшую перегруппировку силъ и необычайно укрѣпилъ позицію партіи революціоннаго пролетаріата.

Соглашательская власть, которая открыла настежь ворота для торжественнаго въѣзда контръ-революціи, могла возникнуть и держаться лишь на основѣ безсознательнаго довѣрія массъ къ капиталу и ихъ добросовѣстнаго оборончества. И въ такой же степени массы могли признавать своими руководителями эсеровъ и меньшевиковъ. Сантиментально-наивное радостное возбужденіе мартовской революціи, этой «общенаціональной» революціи, когда даже прожженные плуты финансовой олигархіи притворялись умиленными и подносили бѣлоснѣжные платки къ заплывшимъ глазкамъ, довѣріе обманываемыхъ массъ къ грузнымъ «вождямъ рево-

люціи» во фракахъ, вродѣ Родзянко и Львовыхъ, — теперь таяло, какъ дымъ. Ходъ классовой борьбы разбивалъ всѣ иллюзіи, снималъ всѣ покровы, безжалостно срывая маски со всѣхъ героевъ обмана и показывая массамъ настоящій звѣриный ликъ этихъ «радѣтелей о народѣ». Буржуазные имперіалисты и соціаль-предательская пресса, которымъ раньше вѣрили настолько, что въ іюльскіе дни буржуазіи удалось создать осадное положеніе для пролетарской партіи, травимой на всѣхъ перекресткахъ, теперь потеряли довѣріе массъ окончательно и безповоротно.

Рабочій классъ, который уже ко времени Московскаго Совѣщанія шелъ въ своемъ большинствѣ за революціонной соціальдемократіей, быстро изживалъ всѣ остатки мелкобуржуазныхъ иллюзій, которыя раньше сохранялись среди его отсталыхъ слоевъ.

Крестьянство увидѣло въ корниловскомъ выступленіи нападеніе со стороны помѣщиковъ и реальную угрозу своимъ мечтамъ о землѣ. Если раньше крестьяне, къ великой радости всѣхъ крупныхъ собственниковъ, «терпѣли» и откладывали рѣшеніе вопроса «до Учредительнаго Собранія», о чемъ такъ усердно заботились и старались господа эсеры, то теперь даже ихъ терпѣніе лопнуло. Какъ разъ вслѣдъ за корниловскимъ движеніемъ помѣщиковъ началось сильнѣйшее движеніе крестьянъ, мѣстами переходившее въ настоящее крестьянское возстаніе. Капиталистическая пресса съ ужасомъ отмѣчала это, занося аграрные «безпорядки» въ рубрику «анархіи» и «погромовъ». На самомъ дѣлѣ аграрное движеніе было признакомъ роста крестьянскаго сознанія, которое уже не мирилось съ вѣчными посулами. «Самочинные захваты», такъ ненавистные буржуазіи, стали обычными явленіями. Земля быстро уплывала изъ рукъ помѣщиковъ и стала прочно осѣдать въ рукахъ крестьянъ.

Армія, нѣкогда слѣпо вѣрившая Керенскому, втянутая въ позорное іюньское наступленіе, теперь, послѣ удара палаческаго хлыста,д преисполнилась ненависти ко всему командному составу, вплоть ьо офицерства. Командный составъ, который оказался насквоз корниловскимъ, который ввелъ смертную казнь, который клеветалъ и травилъ солдатъ, предавая ихъ на каждомъ шагу, третируя прежнюю «святую скотинку», какъ презрѣнную чернь—этотъ командный составъ почувствовалъ на себѣ пристальный, ненавидящій взглядъ всей многомилліонной арміи. Классовая борьба, которая потрясала все общество, перенеслась съ небывал ой силой и на фронтъ. Разъ навсегда армія сбросила съ себя давленіе имперіалистовъ.

Наконецъ, корниловская эпопея чрезвычайно обострила національные вопросы. Корниловщина была отчаянной попыткой россійскаго великодержавнаго имперіализма. Подъ фальшивымъ лозунгомъ «единой и нераздѣльной Россіи», который выставлялся патріотическими генералами и генеральствующими

патріотами изъ «торгово-промышленнаго класса» скрывалась привычная душительская политика имперіалистическихъ громилъ, которые наслаждались ей еще во время блаженной памяти царизма. И если генералы съ нагайкой и безъ нагайки выставили лозунгъ «единой и нераздѣльной», то это означало, что всѣ такъ называемые «инородцы» должны были закричать караулъ. Такъ корниловская «авантюра» и ея пораженіе вызвали ростъ національно-сепаратистскихъ стремленій и разложеніе россійскаго имперіализма.

Политическій ростъ классоваго сознанія широкихъ народныхъ массъ выразился въ полномъ крахѣ соглашательскихъ партій.

Меньшевики, которые опирались въ значительной степени на отсталые, зараженные мелко-мѣщанскими предразсудками, упованіями и вѣрованіями слои рабочаго класса, почти исчезли съ политической арены, какъ партія; ибо крахъ иллюзій шелъ особенно быстрымъ темпомъ какъ разъ среди пролетаріата: эти иллюзіи изживались съ почти катастрофической быстротой.

Эсеры стали переживать періодъ внутренняго разложенія, все рѣзче распадаясь на идеологовъ крѣпкаго мужичка-міроѣда и на идеологовъ бѣднѣйшаго крестьянства; этотъ процессъ нашелъ себѣ выраженіе въ выдѣленіи у эсеровъ лѣваго крыла, которое усиливалось съ каждымъ днемъ. Наконецъ, какъ снѣжный комъ, стала расти партія пролетаріата. Страна все больше и больше распадалась на два враждебныхъ лагеря: одинъ,—во главѣ котораго стоялъ революціонный пролетаріатъ и его партія — этотъ лагерь становился лагеремъ всѣхъ трудящихся, «народнымъ» лагеремъ; и другой — онъ объединялъ всѣ фракціи господствующихъ классовъ, начиная отъ бывшей дворцовой фрейлины и кончая лабазникомъ и деревенскимъ ростовщикомъ; во главѣ этого лагеря стоялъ финансовый капиталъ и партія народной измѣны.

Передъ буржуазной камарильей ходъ событій поставилъ теперь прямую задачу гражданской войны. Исчезнувшее довѣріе массъ къ капиталу, полное разложеніе соглашательскихъ партій, лихорадочно-быстрый ростъ партіи пролетаріата, все это вынуждало буржуазію оріентироваться на гражданскую войну. Править обманомъ, лестью, соглашеніемъ; править черезъ посредство «соціалистическихъ» предателей; притворяться демократами, занося ножъ смертной казни, было уже нельзя. Оставалось одно: новыя попытки вооруженной контръ-революціи.

Но прежде чѣмъ довести дѣло до рѣшительнаго боя, исторія заставила страну пройти еще разъ подъ театральной аркой всероссійской комедіи: имя этой комедіи—«Демократическое Совѣщаніе».

«Ликвидація» корниловщины—Демократическое Совѣщаніе.

Напоръ низовъ отвелъ въ сторону ту петлю, которую уже намылилъ для народа Лавръ Корниловъ, авансомъ стяжавшій себѣ лавры буржуазнаго признанія. Хотѣло или не хотѣло того бонапартистское правительство—фактъ оставался фактомъ. Оставалось лишь съ нимъ такъ или иначе считаться.

Изъ всей позиціи Керенскаго вытекала одна директива: продолжать линію фиктивной «борьбы съ контръ-революціей» и реально боротся налѣво. Именно такова была сущность того (политическаго) фарса, который представляла изъ себя «ликвидація» корниловщины.

Сама «власть» стала представлять поистинѣ трагикомическую величину. Кризисъ слѣдовалъ за кризосомъ. На фонѣ общаго политическаго разврата въ верхахъ, тамъ суетилась шайка бонапартистскихъ стервятниковъ, которая составилась изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, претендующихъ на первыя роли: Савинковъ, бывшій боевикъ и террористъ, позже авторъ слезливой проповѣди противъ убійства, а еще позже авторъ смертной казни; Филоненко, человѣкъ, у котораго, по его собственному признанію, «не моргали вѣки» и «не дрожалъ голосъ» передъ смертными приговорами для солдатъ, «соціалистъ», который сдабривалъ корниловскіе афоризмы изрядной порціей садическо-сологубовской отсебятины; самъ Керенскій, и цѣлая компанія кадетообразныхъ и даже кадетскихъ «помощниковъ», которые стояли у порога и прямо «вожделѣли». Наконецъ, изъ грязной пѣны взаимныхъ надувательствъ и сдѣлокъ за занавѣской, вышла подозрительная во всѣхъ отношеніяхъ россійская директорія, крестными отцами которой были съ одной стороны Церетели — Гоцъ, съ другой герои кадетской партіи, которые предпочитали остаться за кулисами. «Совѣтъ пяти» не блестѣлъ именами: во главѣ сталъ, конечно, Керенскій, который рукоположилъ четырехъ «по образу и подобію своему»: Терещенко, Верховскаго, Вердеревскаго и Никитина, при чемъ Верховскому и Вердеревскому была отведена «техническая роль».

Такъ составилась директорія, долженствовавшая, очевидно, быть переходнымъ мостикомъ къ консулату. Простодушный трудовикъ Булатъ откровенно призналъ ловкость рукъ гражданина Керенскаго: «Пока мы тутъ судили да рядили, власть была создана безъ насъ... Кто знаетъ, можетъ быть, намъ и собираться здѣсь (т. е. въ Ц. И. К.—Н. Б.) болѣе не придется. У насъ введено военное положеніе. Къ намъ явятся, сошлются на такой-то параграфъ и разгонятъ...».

Итакъ, власть конструировалась просто: она была избрана Керенскимъ, утверждена Керенскимъ, сдѣлана отвѣтственной передъ Керенскимъ. Керенскій—единственный источникъ неза-

висимой власти. Керенскій—единственный сосудъ благодати, излiянной еще правительствомъ перваго состава. Керенскій—«общепризнанный» глава «государства россійскаго». Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось. И такъ было фактически. Но это были, въ сущности, уже послѣднія усилія клики измѣнниковъ демократіи, клики, которая начинала все болѣе и болѣе повисать въ воздухѣ, потерявъ уже всякую опору слѣва, и быстро теряя—несмотря на всѣ старанія сохранить ее—опору справа.

Образованіе директоріи, въ сущности, означало безкровную **побѣду генерала Корнилова**: оно было легальнымъ плодомъ нелегальной сдѣлки между героемъ нагайки и авантюристомъ языка: планъ Корнилова какъ разъ и заключался въ созданіи директоріи. Правда, въ рѣшительную минуту Керенскій не поддержалъ Корнилова: тогда во главѣ директоріи былъ бы Корниловъ. Но по существу дѣла, власть, персоннифицированная въ пяти диктаторахъ и независимая ни отъ кого, кромѣ одного оберъ-диктатора,—такая власть была полной побѣдой генеральскихъ принциповъ.

Формѣ вполнѣ соотвѣтствовало и **содержаніе**. «Ликвидація» корниловскаго мятежа приняла характеръ настоящаго издѣвательства надъ массами. Сперва Корниловъ, торжественно объявленный измѣнникомъ, былъ оставленъ фактическимъ главнокомандующимъ, впредь до замѣны. Потомъ Керенскій произвелъ себя въ главнокомандующіе, назначивъ начальникомъ штаба—т. е. опять таки фактическимъ главнокомандующимъ—генерала Алексѣева, царскаго палача, ближайшаго друга генерала Корнилова, прямого соучастника корниловскаго заговора и посредника между Корниловымъ, Рябушинскимъ и Милюковымъ; Алексѣева, который въ началѣ революціи угрожалъ разстрѣломъ «революціоннымъ бандамъ, ѣдущимъ изъ Петербурга!» Алексѣева, котораго онъ же въ первые мѣсяцы революціи долженъ былъ выгналь подъ напоромъ всеобщаго гнѣва и возмущенія! Алексѣева, который на «маломъ совѣщаніи» московскихъ дѣятелей выговорилъ «золотыя слова», повторенныя имъ на «Государственномъ Совѣщаніи» и отпечатанные Рябушинскимъ по рекомендаціи Милюкова! Вотъ этотъ-то субъектъ и былъ назначенъ очищать армію отъ контръ-революціи. Болѣе того. Ему же, соучастнику заговора, поручено было разслѣдовать дѣло о заговорѣ. Керенскій, самъ захлебнувшійся въ грязи, поручаетъ своему сообщнику разслѣдовать дѣло ихъ главнаго компаньона!

Объявленный измѣнникомъ главнокомандующій попалъ такимъ образомп вмѣсто эшафота въ первоклассную гостиницу, получивъ въ качествѣ «охраны» вѣрныя ему войска. Кадету Пальчинскому поручается надзоръ за Петербургомъ. Реакціоннѣйшіе генералы, которые только по обломовщинѣ не успѣли (или по трусости не хотѣли) открыто перейти на корниловскую сторону, оставляются на мѣстахъ или получаютъ повышенія.

Революціонные комитеты, которые были выдвинуты въ корниловскіе дни и которые руководили военными дѣйствіями противъ Корнилова, объявлены внѣ закона. Они, спасшіе революцію и республику, провозглашаются «врагами республики»!

«Самочинныхъ дѣйствій»—гласилъ приказъ отъ 4-го сентября—«въ дальнѣйшемъ допускаемо быть не должно, и Временное Правительство будетъ съ ними бороться, какъ съ дѣйствіями самоуправными и вредными республикѣ». Это въ то самое время, какъ «борьба» съ Корниловымъ, очевидно, не «самоуправная», препоручается шайкѣ корниловскихъ пройдохъ. Въ то время, какъ ведутся оффиціальные переговоры о вхожденіи въ кабинетъ съ вождями кадетской партіи, уличенной въ заговорѣ! Въ то самое время, какъ Маклаковъ назначается посломъ за границу!

Но для массъ все же нужно было создать «прикрытіе». Это прикрытіе нашли, обрушившись на гвардейцевъ во главѣ съ бывшей фрейлиной. Скрывать заговора вообще было нельзя. Такъ пусть за все расплачивается Маргарита Хитрово!—таковъ былъ планъ почтенной компаніи, которая охотно выдала группу своихъ почти единомышленниковъ, чтобы выйти самой въ болѣе или менѣе сухомъ видѣ изъ воды. Началась смѣхотворная «расправа съ заговорщиками»: почистили «Двуглавый Орелъ» въ Кіевѣ, общество «Русскій Богатырь», арестовали (чтобы потомъ тотчасъ выпустить) пару бывшихъ великихъ князей но предусмотрительно оставили душу настоящаго, а не опереточнаго заговора: Милюкова и Гучкова, Родзянку и Рябушинскаго, Путилова и Вышнеградскаго, Корнилова и Каледина, центральный комитетъ партіи народной измѣны и «малое совѣщаніе» дѣятелей-заговорщиковъ,—словомъ всѣхъ тѣхъ, кто совмѣстно съ Керенскимъ договаривались о планѣ «коллективной диктатуры» крови и желѣза.

Капиталистическія газеты, которыя въ дни долженствовавшаго быть великимъ пришествія Корнилова кровожадно лязгали зубами и которыя прикусили было язычокъ въ дни его пораженія, вновь подняли голову и стали снова переходить въ наступленіе. Оффиціальныя лица изъ прокуратуры съ такой же наглостью обѣляли Корнилова, съ какой ранѣе они чернили партію пролетаріата. И наряду съ черносотеннымъ прокуроромъ Александровымъ «демократъ» Сталь, кивая на большевиковъ, заявлялъ: «Я считаю, что заговоръ справа и слѣва одинаково преступенъ передъ страной», а услужливые юристы-газетчики объясняли, что преступленія «противъ существующаго строя» со стороны Корнилова не было по той простой причинѣ, что «сейчасъ въ Россіи нѣтъ никакого строя»[1]). Такъ называемая квалифицированная интеллигенція—историки, адвокаты, поэты,

[1]) «Русское Слово». 26-VII-17 г.

ученые и диллетанты—бросились снова въ атаку противъ рабочихъ: почти-марксистъ проф. Випперъ, позабывъ свои очерки теоріи историческаго познанія, разсказывалъ въ органѣ Рябушинскаго, что вся русская революція-порожденіе злой воли германскаго генералитета, а его коллега по газетѣ, воспѣвшій когда-то рабочее возстаніе, Бальмонтъ, сталъ слагать вдохновенныя оды Корнилову, раболѣпно именуя владѣльца тупо-азіатской физіономіи «гордымъ лебедемъ» российской цивилизаціи.

Но господа капиталисты были чрезвычайно недовольны и поведеніемъ Керенскаго, отъ котораго они требовали или большей рѣшительности или отставки въ пользу Корнилова. Послѣднее было планомъ, выработаннымъ заговорщиками. Вѣдь, Керенскій въ самый критическій моментъ не поддержалъ Корнилова вооруженной силой, а игралъ комедію борьбы съ нимъ. Такая роль была уже не совсѣмъ по вкусу реальнымъ попыткамъ текстильныхъ и металлургическихъ королей. И они начали энергичную кампанію, разоблачившую всю двойную игру ненавидимаго демократіей «демократа» Керенскаго. Кампанія была открыта органомъ Рябушинскаго «Утро Россіи». Документально было доказано участіе Керенскаго и въ подготовкѣ плана военной диктатуры, и въ стремленіи раздавить Петербургъ и Кронштадтъ, и въ вызовѣ третьяго военнаго корпуса, и въ провокаціи «заговора большевиковъ», и въ подготовкѣ разгона совѣтовъ; всплылъ цѣлый ворохъ интригъ, обмановъ и взаимныхъ предательствъ. Каждый новый день приносилъ свѣдѣнія одно сенсаціоннѣе другого. Всѣмъ становилось ясно, что наряду съ корниловщиной существовала керенщина, которая «принципіально» отличалась отъ первой лишь большимъ двуличіемъ и трусостью. «Ты хочешь улизнуть? Но ты нашъ, ты уже продалъ свою душу и получилъ изрядный авансъ!»—говорилъ буржуазный дьяволъ министеріабельному пану Твардовскому, имѣвшему уже тогда почти милліонный текущій счетъ.

Какъ ни старалась директорія Керенскаго загладить свои грѣхи передъ буржуазій, послѣдняя, спасая Корнилова, шла напроломъ. Правда, Керенскій провозгласилъ республику, чтобы доказать, что въ Россіи «есть строй». Но онъ закрылъ въ Петербургѣ «Рабочаго» и «Новую Жизнь», подъ предлогомъ борьбы съ анархіей спѣшно подготовлялъ карательныя экспедиціи противъ ташкентскаго совѣта и велъ переговоры съ московскими тузами: Коноваловымъ, Бурышкинымъ, Четвериковымъ, Третьяковымъ и Смирновымъ, т. е. цвѣтомъ Московскаго «Малаго Совѣщанія». Онъ пытался распустить «Центрофлотъ». Онъ назначилъ въ Военный Совѣтъ изобличеннаго корниловца Клембовскаго. И все-таки буржуазія не щадила уже своего приказчика: ей нуженъ былъ другой.

Въ то время, какъ наверху шла непрерывная игра въ министерскую чехарду, которая была такъ характерна для царскаго

режима, при помощи персональныхъ замѣстительствъ думавшаго заштопать огромную дыру своей классовой сущности, въ низахъ происходилъ процессъ быстраго «лѣвѣнія». Этотъ процессъ нашелъ свое выраженіе и въ измѣнившейся позиціи главнѣйшихъ совѣтовъ. Меньшевистско-эсеровскіе руководители пытались системою бюрократическихъ перегородокъ закрѣпить свое вліяніе и отгородить себя отъ всякаго «посягательства» массъ. Но чѣмъ быстрѣе лѣвѣла «страна», тѣмъ въ большей степени Совѣты вновь становились органами классовой борьбы пролетаріевъ и солдатъ противъ имперіалистской государственной власти, тѣмъ скорѣе стряхивали они съ себя почтенную функцію простыхъ департаментовъ этой власти. Перевыборы однихъ ихъ членовъ, полѣвѣніе другихъ привело къ тому, что Петербургскій Совѣтъ перешелъ къ большевикамъ. Президіумъ И. К. во главѣ съ Чхеидзе—Даномъ былъ вынужденъ подать въ отставку. А вслѣдъ за Питеромъ Московскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ далъ большинство партіи революціоннаго пролетаріата. Напрасно Центральный Исполнительный Комитетъ выносилъ резолюціи довѣрія бонапартистской пятеркѣ. Было ясно, что руководящая роль уже уплываетъ изъ рукъ этого мертвеца и переходитъ къ революціоннымъ совѣтамъ обѣихъ столицъ.

Мелкобуржуазные вожди все болѣе теряли даже свою собственную базу. Если раньше они удачно выражали половинчатость мелкой буржуазіи—крестьянъ, городской бѣдноты, отсталыхъ слоевъ рабочаго класса, то теперь они заворачивали довольно круто направо: масса мелкой буржуазіи обнаруживала тяготѣніе къ пролетаріату; ея вожди обнаруживали еще большее тяготѣніе къ крупному капиталу. Бюрократизировавшаяся верхушка Ц. И. К., подъ давленіемъ массъ умѣрившая было нѣсколько свой реакціонный пылъ и свое холопское усердіе, теперь снова устремилась на всѣхъ парахъ къ блоку съ цензовой буржуазіей, и, боясь признать открыто свое почтеніе къ кадетамъ, совершенно скомпрометированнымъ корниловщиной, тащила послѣднихъ въ правительство, какъ «дѣловыя кандидатуры»—маска, подъ которой постоянно ходятъ политическіе фокусники и обманщики по профессіи. При такихъ условіяхъ, страшась растущей большевистской заразы, эти господа, наполовину уже спѣвшіеся съ цензовиками и превратившіеся сами въ «бонапартятъ», должны были искать сэбѣ иную соціальную точку опоры, чѣмъ та, которая была у нихъ раньше. А съ другой стороны имъ нужно было, въ виду быстраго роста большевизма не только въ странѣ, но и въ совѣтскихъ организаціяхъ, противопоставить Совѣтамъ какую-нибудь иную «тоже—демократическую»—и при томъ общероссійскую силу. Отодвинуть назадъ Совѣты, санкціонировать коалицію, создать организацію крѣпкой средней буржуазіи, чтобы черезъ нее могла править финансовая олигархія; наконецъ, предупредить натискъ

большевиковъ, поставивъ солидный «демократическій» барьеръ противъ революціонной «анархіи», — таковъ былъ планъ Либеровъ и Дановъ, имена которыхъ уже стали нарицательными для лицъ соціальпредательскаго типа.

Изъ такихъ потребностей возникъ планъ «Демократическаго Совѣщанія». Цѣль, поставленная верхушками Ц. И. К., состояла въ созданіи маргариновой демократіи. Неудивительно, что эта цѣль могла реализоваться только путемъ подлога. Если Московское «Государственное» Совѣщаніе должно было фальсифицировать голосъ «націи», подставивъ вмѣсто этой націи вѣшателей въ погонахъ и безъ погонъ, то Демократическое Совѣщаніе должно было фальсифицировать голосъ демократіи, подставивъ вмѣсто крестьянъ, солдатъ и рабочихъ зажиточнаго середняка и корниловскаго интеллигента.

Совѣтамъ, этимъ единственнымъ представителямъ революціонной демократіи, было отведено третьестепенное мѣсто. На первые мѣста пустили представителей земствъ, городовъ, кооперативовъ, къ которымъ присоединялся еще цѣлый хвостъ профессіонально-интеллигентскихъ организацій. Земства тѣмъ легче смогли послужить новой базой для просчитавшихся вождей, что многія изъ нихъ не были даже переизбраны и такимъ образомъ, съ царскимъ штемпелемъ на лбу, могли пригодиться для какого-угодно трюка, лишь бы только онъ былъ понятнымъ. Города выражали уже вчерашній день революціи; право-эсеровско-кадетское большинство думъ, одобрявшее казни, ни въ коей мѣрѣ не соотвѣтствовало уже настроенію широкихъ городскихъ массъ. Наконецъ, кооперативные служащіе, которыхъ зажиточные мужички выбирали для торговли селедками и мыломъ и которымъ они отнюдь не вручали никакихъ политическихъ мандатовъ, обладали для гражданина Церетелли вполнѣ достаточной благонадежностью: ибо Жанна д'Аркъ кооперативныхъ политиковъ, г-жа Кускова, заявляла на съѣздѣ кооператоровъ подъ восторженный ревъ своихъ единомышленниковъ изъ кадетскаго лагеря, что дастъ отрубить себѣ руку, если эта рука опуститъ бюллетень съ кандидатами той партіи, къ которой принадлежала сама воинственная кооператорша: даже либердановскіе меньшевики казались ей слишкомъ красными!

Будучи подложнымъ по существу, Демократическое Совѣщаніе не могло не заниматься подлогами во весь періодъ своей дѣятельности. Уже Керенскій, предварительно объявившій черезъ прессу о частномъ характерѣ совѣщанія (для государственности здѣсь все же не хватало Рябушинскаго и Каледина!), «далъ гонъ» почтенному собранію, заявивъ о томъ, что «корниловщина до конца была подавлена мною», т. е. Керенскимъ. (Это говорилось какъ разъ тогда, когда слѣдственная комиссія сказала во всеуслышаніе, что ей «тяжело допрашивать Корнилова!»)

Затѣмъ полились бевконечныя рѣчи бывшихъ и настоящихъ министровъ, а за ними безчисленныхъ представителей безчисленныхъ организацій. Черновъ разсказывалъ, какъ ему не давали работать въ коалиціонномъ министерствѣ — и высказывался за коалиціонное министерство. Скобелевъ, который обѣщалъ въ свое время взять 100% съ буржуазіи, нечленораздѣльно повѣствовалъ о трудностяхъ работы и высказывался за коалицію. Зарудный потѣшалъ публику скверными анекдотами изъ министерской жизни, утверждая, что онъ ничего не понималъ и не понимаетъ, и высказывался за коалицію. Словомъ, всѣ министры, привыкшіе къ удобствамъ соглашенія, горой стояли за него. А «масса», искусно свезенная спеціалистами надувательства, дала 766 голосовъ за коалицію и 688 противъ: Совѣты въ подавляющемъ большинствѣ голосовали противъ, въ еще болѣе подавляющемъ большинствѣ голосовали противъ и профессіональные союзы; цѣликомъ противъ высказался флотъ; даже половина старыхъ армейскихъ организацій отвергла коалицію. Коалиціонисты побѣдили, выѣхавъ на тѣхъ, кому они заранѣе обезпечили перевѣсъ: на земцахъ, гласныхъ думъ, кооператорахъ, вмѣстѣ съ соціальпредателями изо всѣхъ другихъ учрежденій. Но когда поставили вопросъ о кадетахъ, то даже это подобранное большинство не осмѣлилось голосовать за корниловскую партію народной измѣны. Какъ ни пѣли соціальпредательскіе соловьи, этотъ номеръ не прошелъ. И когда стало ясно, что коалиція съ буржуазіей безъ кадетъ—это nonsens; когда передъ меньшевиками и эсерами сталъ вопросъ объ образованіи соціалистической «безбуржуазной» власти, они въ ужасѣ отшатнулись отъ такой перспективы и голосовали противъ резолюціи въ цѣломъ.

Въ результатѣ получилось, что Демократическое Совѣщаніе провалило свою собственную резолюцію и осталось въ нѣтяхъ, открывъ свою дряблую и убогую наготу.

Но тутъ на сценѣ появились профессіональные фокусники, отъ нихъ же первый «благородный Церетелли». Путемъ прямого обмана чуть было не проводится позорнѣйшая резолюція, предлагающая создать органъ, который былъ бы «санкціонированъ» бонапартомъ и «содѣйствовалъ» бы правительству въ созданіи власти. Большевики во главѣ съ Троцкимъ, блестящія и мужественныя рѣчи котораго выводили изъ себя всѣхъ зубровъ и всѣхъ холоповъ, демонстративно ушли въ отвѣтъ на сцены издѣвательства и позора. Поправки, подсунутыя Церетелли, были однако сняты. Но фактическая политика, явившаяся результатомъ сдѣлки между Керенскимъ, Церетелли, Гоцемъ и К°, между кооператорами и цензовиками, за которыми стояла и ненавистная партія народной измѣны, эта политика продолжала проводиться героями Совѣщанія и дальше. Принятыя резолюціи предлагали при созданіи власти «требовать осуществленія про-

граммы 14 августа», т. е. той программы, которую Чхеидзе такъ горячо защищалъ въ присутствіи Каледина и при отсутствіи пролетаріата на Московскомъ Совѣщаніи.

Если Московское Совѣщаніе въ Большомъ театрѣ было повивальной бабкой корниловскаго заговора, то гора Демократическаго Совѣщанія родила прежде всего смѣшную мышь «предпарламента». Безвластный законовѣщательный органъ при Керенскомъ, жалкая канцелярія, гдѣ сокращенный составъ Совѣщанія дополнялся изрядной порціей цензовиковъ во главѣ съ кадетами, противъ которыхъ въ свое время голосовало Совѣщаніе—таковъ былъ результатъ преній «о власти». Задача уничтожить безотвѣтственность бонапартиста нашла свое разрѣшеніе въ созданіи «предбанника», отвѣтственнаго какъ разъ передъ тѣмъ, чью безотвѣтственность онъ долженъ былъ преодолѣть.

Демократическое Совѣщаніе оказалось безплоднымъ, какъ евангельская смоковница. Но, когда господа кадеты злорадствовали надъ «безсиліемъ демократіи», они отлично понимали, что ихъ злорадство—показное. Они прекрасно видѣли, что безсиліе свода, устроеннаго Церетелли и одобреннаго Керенскимъ, имѣетъ мало общаго съ демократіей, которая усиливалась съ каждымъ днемъ за стѣнами Александринскаго театра.

«... Въ результатѣ цѣпи событій—писала банковская «Русская Воля» при открытіи Демократическаго Совѣщанія—заполняющихъ періодъ съ момента пораженія на фронтѣ до момента пораженія контръ-революціи, поднялъ голову демагогическій большевизмъ, и «организованная демократія» Петрограда оказалась въ плѣну у ленинцевъ. Это политическій результатъ шестого революціоннаго мѣсяца также можетъ быть названъ «потрясающимъ», какъ бы ни было относительно его значеніе... Подъ угнетающимъ дѣйствіемъ этихъ событій открылось совѣщаніе демократическихъ организацій...»

Неудержимый ростъ партіи пролетаріата, которая — какъ заявила объ этомъ съ чувствомъ дамы—патронессы г-жа Брешковская — «портитъ нашихъ хорошихъ, добрыхъ рабочихъ, крестьянъ и солдатъ», это усиленіе трудовой революціонной арміи ставило буржуазію въ поистинѣ критическое положеніе. Въ странѣ наросталъ конфликтъ за конфликтомъ: стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ, разрастающіяся крестьянскія волненія, мобилизація совѣтскихъ силъ,—развѣ не ясно было, что волна гражданской войны захлеснетъ жалкую постройку предпарламента.

Правительство гражданской войны—октябрьская революція.

«Вся власть Совѣтамъ!» «Созывъ Второго Съѣзда!»—таковъ былъ лозунгъ, съ которымъ большевики шли на Демократическое Совѣщаніе и въ предпарламентъ. Партія пролетаріата отлично

понимала объективную неизбѣжность гражданской войны. Передъ крупной буржуазіей не было никакого выхода, кромѣ открытаго нападенія на народъ, противъ котораго она вела перманентную партизанскую войну. Въ отвѣтъ на лозунгъ пролетаріата Керенскій громилъ ташкентскій совѣтъ; въ отвѣтъ на голосъ крестьянъ, «его» правительство продолжало аресты земельныхъ комитетовъ; въ отвѣтъ на вопли желѣзнодорожныхъ рабочихъ и донскихъ рудокоповъ ихъ «усмиряли»; въ отвѣтъ на требованіе признанія правъ Финляндіи посылали карательныя экспедиціи и удаляли революціонныя части; въ отвѣтъ на резолюціи рабочихъ объ освобожденіи большевиковъ освобождали тюремщиковъ и жандармовъ; наконецъ, въ отвѣтъ на единодушный кличъ всего народа: «долой измѣнниковъ-кадетовъ!», Керенскій назначилъ кадетское министерство съ ливрейными лакеями изъ бывшихъ соціалистовъ. Послѣ всѣхъ разоблаченій, послѣ травли арміи кадетами, послѣ пораженія кадетскаго мятежа и измѣны, послѣ предательства подъ Ригой, послѣ чудовищной провокаціонной игры, ставкой которой была смертная казнь—Керенскій бросаетъ вызовъ, назначая въ министерство клейменыхъ измѣнниковъ!

Правительство гражданской войны—подъ такимъ названіемъ вошелъ въ исторію новый кабинетъ россійской республики.

Коноваловъ, крупнѣйшій московскій промышленикъ, идеологъ и практикъ всероссійскаго саботажа—министръ торговли и промышленности и замѣститель премьера. Развѣ теперь не будетъ покончено съ локаутчиками? Третьяковъ, тоже промышленникъ и биржевикъ, одинъ изъ монополистовъ текстильнаго района—предсѣдатель Экономическаго Совѣта. Развѣ не будетъ теперь устранена разруха? Государственнымъ контролеромъ опредѣленъ Смирновъ, Смирновъ, который на своей фабрикѣ не только держалъ рабочихъ на голодной платѣ, лишалъ ихъ огня и воды, но и морилъ своихъ лошадей, чтобы затѣмъ имѣть возможность закрыть изъ политическихъ соображеній предпріятіе. Развѣ теперь не будетъ достаточнаго контроля надъ государственными финансами? Развѣ этотъ людоѣдъ не приведетъ въ порядокъ разстроеннаго государственнаго хозяйства? Министромъ иностранныхъ дѣлъ оставленъ Терещенко. Но развѣ онъ не выказалъ своего пламеннаго усердія въ дѣлѣ мира? Ефремовъ назначенъ полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Швейцарію. Но развѣ онъ не зарекомендовалъ себя въ качествѣ лучшаго друга англійскаго имперіализма? И неужели это не является достаточной гарантіей для мира и свободы? Кишкинъ, съ которымъ отказались имѣть какое бы то ни было дѣло московскіе совѣты, утвержденъ въ званіи министра призрѣнія. Кто же можетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ исполнитъ свой долгъ передъ революціей?...

«Соціалистическая» туманность — сотрудникъ «Русскаго Слова» Бернацкій, «рабочій Гвоздевъ, адвокатъ Малянтовичъ и

другіе dii minores, расположившіеся вокругъ ярко имперіалистскаго («дѣловою»), кадетско корниловскаго ядра, заранѣе была обречена стоять на запяткахъ тріумфальной колесницы «торговли и промышленности». Правда, кабинетъ былъ одобренъ господиномъ Бьюкененомъ. Болѣе того, англо-французскіе друзья занимались прямо таки политическимъ вымогательствомъ и шантажемъ, чтобы получить желательный составъ правительства своей новой полуколоніи, и это правительство возникло лишь послѣ таинственныхъ собесѣдованій россійскихъ бонапартятъ съ посломъ Его Величества Георга. Но русскому народу отъ этого не становилось легче. Объективная роль новаго кабинета могла быть только одной: это была провокація гражданской войны.

Господа изъ Временнаго Правительства надѣялись при этомъ на поддержку обывателя и тѣхъ середняковъ, которые объединились на Демократическомъ Совѣщаніи подъ политической гегемоніей кооператоровъ.

«Я долженъ прямо сказать»—писалъ въ банковско-«демократическомъ» «Днѣ»—одинъ изъ крупнѣйшихъ сотрудниковъ этой газеты:—«вполнѣ раздѣляя политическую платформу кооперацiи, нельзя не видѣть, не чувствовать, что отсюда двинется масса бойцовъ, жаждущихъ реванша за все то темное и злое, что принесъ и приноситъ съ собою большевизмъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. И я убѣжденъ: это будетъ не только словесный бой». А оффиціозъ Керенскаго, Савинкова и К°, «Воля Народа», билъ въ набатъ и звалъ подъ знамена борьбы съ большевизмомъ, утверждая, что «соглашательству нѣтъ мѣста» и что «демократія должна объединиться и желѣзной рукой принудить большевизмъ покориться ея волѣ».

Въ растущемъ остервенѣніи лабазника, адвоката и кооператора отражался собственническій страхъ передъ надвигающимся коммунизмомъ. Этотъ страхъ вгонялъ ихъ въ холодный цыганскій потъ: напуганному воображенію уже рисовались ужасы грабежей, убійствъ, всеобщаго «дѣлежа», погромовъ и «рѣзни».

Средній буржуа, несмотря на свой убогій и засаленный реализмъ торгаша, никогда, въ сущности, не бываетъ реалистомъ; и, несмотря на свою трезвенную разсудочность, онъ весь во власти двухъ эмоцій: страха, когда его дѣло плохо, и мести, когда «онъ» побѣдилъ. Онъ запираетъ на цѣпь свою квартиру и засовываетъ подъ подушку свой бумажникъ, когда въ этомъ не представляется никакой необходимости даже съ точки зрѣнія его интересовъ; онъ дѣлается молчаливымъ, какъ схимникъ, со сладострастіемъ почитывая крикливыя статьи своихъ идеологовъ, когда ему еще предоставляется полная свобода слова. Но онъ выкалываетъ тростью глаза побѣжденнымъ врагамъ и готовъ привести жену, дочь и сестру смотрѣть на казнь своихъ политическихъ противниковъ. Его подлость и мстительность прямо пропорціональна его трусости.

Какъ ни преувеличивалъ этотъ буржуа грядущіе «ужасы», но онъ угадывалъ своимъ почти звѣринымъ инстинктомъ неизбѣжность схватки. Въ это время вполнѣ сознательно готовился къ ней финансовый капиталъ съ своими подсобными силами.

Обостреніе классоваго напора съ этой стороны шло разомъ по всѣмъ направленіямъ. Въ экономической области систематически и упорно проводился планъ Рябушинскаго — взять рабочихъ «костлявой рукой голода». «Скрытые» и «открытые» локауты все учащались. При полномъ развалѣ промышленности и дезорганизаціи всего хозяйства «торгово-промышленный классъ» умѣло подливалъ масла въ огонь сознательно разчитаннымъ саботажемъ, который росъ и росъ. Господа министры рѣшили, наконецъ, централизовать это дѣло и организовать дезорганизацію, поднявъ саботажъ до принципіальной высоты государственно-національной задачи. Именно съ этой цѣлью, т. е. съ цѣлью искусственнаго увеличенія и безъ того не малой безработицы и голода, Смирновы и Коноваловы стали съ величайшимъ усердіемъ проводить разгрузку — сперва Петербурга (это былъ наиболѣе красный — а потому и наиболѣе опасный пунктъ), а затѣмъ и московскаго района. А въ то время, какъ торговцы и промышленники орудовали на фабрикахъ и заводахъ, финансирующія учрежденія стали проводить въ усиленномъ размѣрѣ ту же политику по отношенію къ «новымъ» думамъ, особенно большевистскимъ, отказывая имъ въ какомъ-бы то ни было кредитѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было придумать какое-нибудь болѣе «общенаціональное дѣло», чѣмъ медленное затягиваніе уже намыленной петли?

Политика дополняла экономику. И прежде всего «международная» политика. Пламенные патріоты не прочь были уже заключить какой-угодно миръ въ обмѣнъ на усмиреніе рабочихъ и крестьянъ. Таинственныя заграничныя совѣщанія, свѣдѣнія о которыхъ просачивались въ прессу, выражали эту назрѣвшую потребность.

Подготовка сдачи Петербурга съ одновременнымъ его разстрѣломъ нѣмецкими пушками—стало затаенной мыслью россійскихъ буржуа.

Наконецъ, вооруженные удары готовились и извнутри. Повсюду стали мобилизоваться разбитыя въ корниловскіе дни организаціи, окопавшіяся наиболѣе крѣпко на Дону. Изъ этой русской Вандеи долженъ былъ быть открытъ крестовый походъ на революцію русскаго народа.

Рабочій классъ съ своей стороны напрягалъ всѣ усилія, готовясь отъ обороны перейти въ наступленіе. Для широкихъ рабочихъ массъ необходимость борьбы за власть становилась ощутительнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Экономическія стачки, которыми пролетаріатъ пытался отвѣчать на натискъ капитала, не помогали. Онѣ прямо провоцировались капиталомъ, который

превращалъ это орудіе борьбы въ локауты, проводимыя руками рабочихъ. Власть Совѣтамъ! Власть Съѣзду Совѣтовъ! Низверженіе правительства! — эти лозунги стали настолько популярными, что не нуждались ни въ какихъ поясненіяхъ.

Крестьянство все болѣе повышало свою активность, переходя къ прямому возстанію противъ помѣщиковъ; его не могли запугать уже никакія респрессіи, въ изобиліи сыпавшіяся ему на голову. Кризисъ назрѣвалъ съ поразительной быстротой...

Декларація, опубликованная новымъ правительствомъ, вполнѣ подтверждала наихудшія опасенія: вести войну «въ единеніи съ союзниками»; «упорядочить» земельныя отношенія «безъ нарушенія правъ существующаго землевладѣнія»; повысить косвенные налоги; наконецъ, вести «самую рѣшительную, последовательную, систематическую борьбу со всякими проявленіями контръ-революціи и анархіи,»—такова была «программа». Въ переводѣ на простой языкъ это означало: международный разбой, охрана помѣщиковъ, обираніе массъ, удушеніе революціи. Таковой должна была быть и такой стала программа правительства гражданской войны.

Что касается вопроса о конструкціи власти, то онъ былъ «рѣшенъ» «Положеніемъ о Временномъ Совѣтѣ Россійской Республики», обнародованномъ за подписью гражданина Коновалова. Именно послѣднему было предоставлено рѣшить судьбу предпарламента, который долженъ былъ бы рѣшить судьбу Коновалова. Въ «Положеніи» сказалась съ поразительной ясностью роль соціалъ-патріотическихъ предателей: они добились, чего хотѣли! И безъ того кургузыя права демократіи были ощипаны со всѣхъ сторонъ. «Совѣту Республики» было благосклонно разрѣшено «обсужденіе законодательныхъ предположеній, по коимъ Временное Правительство признаетъ необходимымъ имѣть заключеніе Совѣта» — таковой оказалась почтенная функція этой придворной канцеляріи Керенскаго!

Законосовѣщательный «Совѣтъ Республики», который долженствовалъ быть оплотомъ одновременно и противъ Учредительнаго Собранія (Львовъ, Карауловъ и прочіе уже кричали о необходимости еще разъ отложить выборы), и противъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатъ и Крестьянъ, — былъ, въ сущности, сразу же взорванъ партіей пролетаріата. Большевики ушли изъ этого «реформированнаго» предпарламента, и онъ сразу же потерялъ значеніе центра, въ которомъ отражалась вся напряженность классовой борьбы.

Пролетаріатъ все съ большей настойчивостью мобилизовалъ силы Совѣтовъ. Областный Комитетъ Арміи, Флота и Рабочихъ Финляндіи обратился съ рѣзкимъ воззваніемъ противъ правительства, посылавшаго контръ-революціонныя войска въ Финляндію; началась подготовка ряда областныхъ и армейскихъ съѣздовъ. Закипѣла лихорадочная работа по созыву Всероссій-

скаго Съѣзда, который въ свое время былъ рѣшенъ—подъ сильнымъ давленіемъ со стороны массъ — и Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ. Фокусомъ политической жизни становился, такимъ образомъ, не жалкій Совѣтъ Республики, а грядущій съѣздъ россійской революціи. Въ центрѣ этой мобилизаціонной работы стоялъ Петербургскій Совѣтъ, который демонстративно выбралъ своимъ предсѣдателемъ Троцкаго, самаго блестящаго трибуна пролетарскаго возстанія.

Въ это самое время верхушки старой совѣтской бюрократіи, тѣ, кто еще во время Демократическаго Совѣщанія пятился отъ совѣтовъ, чувствуя, что тамъ уже почва окончательно потеряна, теперь окончательно зафиксировали свое предательство. Оффиціальный органъ совѣтовъ сталъ вести борьбу за уничтоженіе этихъ совѣтовъ!

«Временную организацію Совѣтовъ — писали «Извѣстія» — мы (!) хотимъ замѣнить постоянной полной и всесторонней организаціей государственнаго и мѣстнаго строя жизни. Когда пало самодержавіе и вмѣстѣ съ нимъ весь бюрократическій порядокъ, мы (!) построили Совѣты Депутатовъ, какъ временные бараки, въ которыхъ могла найти пріютъ вся демократія. Теперь вмѣсто бараковъ строится постоянное каменное зданіе новаго строя и, естественно, люди постоянно уходятъ изъ бараковъ въ болѣе удобныя номѣщенія по мѣрѣ того, какъ отстраивается этажъ за этажемъ».

Безпріютные оборонцы рѣшили перейти «въ болѣе удобныя помѣщенія» новой булыгинской думы, которой было дозволено «ставить вопросы» безконтрольной буржуазной кликѣ... Такъ низко пали «демократы» и «соціалисты»! Но они не только прокламировали свое отреченіе: они повели ожесточенную кампанію за срывъ уже назначеннаго на 20 октября съѣзда. Въ Бюро Ц. И. К. гражданинъ Данъ, эта старая лиса соглашательства, лицемѣрія и закулисныхъ сдѣлокъ, первый поставилъ вопросъ объ отмѣнѣ съѣзда. Это не удалось. Но всѣ агенты Ц. И. К. на мѣстахъ, всѣ меньшевики и правые эсеры, стремились сорвать съѣздъ или, по меньшей мѣрѣ, его дискредитировать: «съѣздомъ срываютъ Учредительное Собраніе»; «съѣздъ не нуженъ, такъ какъ «пока» есть Совѣтъ Республики»; «съѣздъ — это большевистская демагогія, которая бросаетъ демократію въ объятія контръ-революціи» и т. д. и т. д., — такъ стрекотали всюду и вездѣ тѣ, которымъ уже не было, въ сущности, мѣста въ великихъ классовыхъ организаціяхъ рабочихъ и крестьянъ, воскресшихъ къ новой жизни среди бурь соціальной битвы.

Кампанія оборонцевъ противъ съѣзда была, однако, заранѣе обречена на полный провалъ всѣмъ ходомъ классовой борьбы, которая разгоралась съ каждымъ днемъ все ярче и ярче. Помѣщики, купцы, промышленники уже телеграфно умоляли правительство о присылкѣ артиллеріи и воинскихъ частей для усми-

ренія крестьянъ,—правительство удовлетворяло ихъ просьбы и циркулярно внушало своимъ коммиссарамъ дѣйствовать «по всей строгости закона»; въ Петербургъ оно нагоняло со всѣхъ сторонъ ударниковъ и юнкеровъ; Ташкентъ и въ особенности лѣвоэсеровскій ташкентскій Совѣтъ сталъ постояннымъ предметомъ завоевательныхъ стремленій Керенскаго-Коновалова; противъ финновъ велась та же компанія насилія, и даже самый «демократичный» изъ министровъ, Верховскій, тайно отдавалъ приказы объ арестѣ комиссаровъ Областного Комитета въ случаѣ ихъ «противодѣйствія»; государственный контролеръ, саботажникъ Смирновъ, выступилъ уже съ прямымъ нападеніемъ на всѣ совѣты, выработавъ проектъ ихъ ревизіи, точно это былъ полицейскій участокъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ Минскѣ закрыли популярнѣйшій «Молотъ»; у латышей закрыли «Вольный Стрѣлокъ»; въ назиданіе рабочему классу въ тайникахъ министерскихъ канцелярій вырабатывали уже законъ о принудительномъ арбитражѣ, т. е. законъ противъ стачеко. Контръ-революціонныя банды повели почти открыто анти-еврейскую погромную пропаганду, противъ которой у правительства не находилось никакихъ мѣропріятій. Зато оно молчаливо одобрило разстрѣлъ русскихъ солдатъ во Франціи, вѣсти о которомъ докатились и на родину, а затѣмъ отставило устами Терещенко Скобелева, котораго Ц. И. К. посылалъ на поклонъ къ союзнымъ дипломатамъ съ наказомъ, болѣе чѣмъ умѣреннымъ: даже онъ казался уже неподходящимъ для теплой компаніи Терещенка-Маклакова-Алексѣева!

А наряду съ этимъ желѣзнодорожники одерживаютъ верхъ; всеобщая стачка въ Баку ломаетъ сопротивленіе капитала; выборы въ московскія районныя думы даютъ блестящую побѣду большевикамъ, поднимая число ихъ голосовъ съ 11 до 50%; съѣздъ Балтійскаго флота цѣликомъ высказывается за большевиковъ; весь московскій районъ волнуется и кипитъ: бастуютъ кожевники, готовятся бастовать городскіе служащіе, деревообдѣлочники, текстильщики, металлисты; въ совѣтахъ — коренная ломка стараго: перевыборы сплошь даютъ большевиковъ; кое-гдѣ рабочіе выходятъ на улицу и уже требуютъ, чтобы совѣты отъ словъ переходили къ дѣлу; наконецъ, циммервальдская конференція и возстаніе нѣмецкихъ матросовъ подаютъ новыя надежды на движеніе по ту сторону окоповъ.

30 сентября прилетаетъ извѣстіе о занятіи нѣмцами Эзеля. Затѣмъ получаются подробности морскихъ боевъ, подробности, которыя раскрываютъ новую чудовищную международную провокацію на фронтѣ.

Выясняется, что англійскій флотъ спокойно давалъ гибнуть геройски шедшему въ бой красному балтійскому флоту. Выясняется, что правительство само отдавало распоряженіе о сня-

тіи пушекъ, охранявшихъ дорогу на Петербургъ [1]). Выясняется, что вождь малаго совѣщанія московскихъ дѣятелей, недавно уличенный въ мошенническихъ поставкахъ болванокъ, Родзянко, въ своемъ докладѣ почти требовалъ сдачи Петербурга и Кронштадта и восторгался разстрѣлами и «порядкомъ», который навели въ Ригѣ шуцманы Вильгельма. Риги мало! Пусть уничтожатъ «развращенный флотъ!» Пусть гибнетъ Кронштадтъ! Долой Петербургъ! Лозунгъ правительства: «въ Москву!» — сталъ яснымъ для всѣхъ: они бѣжали отъ революціи, эти предатели, они удирали, какъ когда-то удиралъ Тьеръ изъ Парижа въ Версаль. Что рѣчь шла не о нѣмецкой опасности—повѣдалъ не кто иной, какъ самъ генералъ Алексѣевъ.

Теперь обнаружилась вся широта новаго заговора: Пальчинскій въ Петербургѣ долженъ расправиться съ рабочими, обостряя безработицу и «разгружая» городъ, превращая организованный пролетаріатъ въ хроническихъ люмпеновъ, неспособныхъ ни къ какому отпору; центры революціи — Финляндія, Питеръ, Кронштадтъ, флотъ — пусть будутъ на худой конецъ уничтожены со всѣми проклятыми совѣтами и комитетами огнемъ нѣмецкихъ орудій при благожелательномъ нейтралитетѣ «союзниковъ»; правительство организуется въ Москвѣ, рядомъ съ малымъ совѣщаніемъ, на родинѣ Коноваловыхъ и Третьяковыхъ; на Дону формируется «преданная армія» — такова была послѣдняя отчаянная крупная ставка россійскаго капитала.

Военныя силы контръ-революціи мобилизовались, дѣйствительно, во-всю. Казачьи генералы ввели всеобщее ополченіе, укрѣпили станицы, вооружались пулеметами и стали уже разсылать свои части въ центральную Россію; офицера тайно организовывали сводные офицерскіе отряды; юнкера снова — какъ въ Корниловскіе дни—становились подъ ружье. Профессіоналы-военные уже съ гордостью говорили, что предстоитъ не корниловская «проба пера», а нѣчто гораздо болѣе значительное.

Правительство сдѣлало жестъ налѣво, распустивъ Государственную Думу, только для того, чтобы продолжать свою правую политику вообще. Оно стало, въ сущности, руководящимъ центромъ казацко-кадетской контръ-революціи; оно уже восклицало: «благословенъ грядый во имя Корнилова», всячески провоцируя «бунтъ большевиковъ».

Партія пролетаріата понимала всю серьезность положенія. Теперь рѣчь уже не шла о демонстраціяхъ или полудемонстраціяхъ. Массы готовились къ настоящему, не шуточному бою. На простую демонстрацію онѣ бы не пошли. Всѣ отлично понимали, что время словъ, агитаціи, пропаганды, время подготовки уже проходитъ: нужно дѣйствовать, иначе насъ сомнутъ—таково было почти суровое настроеніе массъ.

---

[1]) № 6 «Пролетарскаго Дѣла», Кронштадтъ.

Никакой шумихи, никакого радостнаго и сантиментальнаго возбужденія: дѣловыя мысли, дѣловыя слова, твердая рѣшимость биться до конца, принять бой и вести его со всѣмъ напряженіемъ *до гибели или до побѣды*—такъ думали, такъ чувствовали пролетаріи, готовясь къ схваткѣ. Партія обсуждала вопросъ о возстаніи: на крайнемъ правомъ флангѣ уже былъ поднятъ боевой флагъ—нужно было поднять перчатку и немедленно перейти въ наступленіе.

Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ контръ-революціей: *казачьи части разгромили калужскій совѣтъ*. Только по чистой случайности члены совѣта не были разстрѣляны. Все подверглось варварскому разгрому исключительно потому, что волна народнаго недовольства поставила во главѣ калужскаго совѣта большевиковъ, на которыхъ рѣшили потренироваться казацкія войска, во главѣ съ комиссаромъ временнаго правительства и при благосклонномъ участіи дѣятелей мѣстной думы. И комиссаръ, и эти «дѣятели» оказались «эсерами». Первое слово предательства и убійства принадлежало имъ.

Калужскія событія заставили совѣты быстро двинуться впередъ. Въ это время въ Петербургѣ Совѣтъ уже переходилъ на боевое положеніе: рѣзкая резолюція противъ правительства означала, что военныя дѣйствія близки. Кронштадтскіе матросы проклинали «жалкаго бонапарта»; Съѣздъ Совѣтовъ Сѣверной Области прошелъ, какъ дружный и стройный парадъ революціонной арміи; съѣздъ представителей 6-го армейскаго корпуса объявилъ о своемъ отказѣ въ какой-бы то ни было поддержкѣ правительству Керенскаго и провозгласилъ необходимость совѣтской власти.

20 октября Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ организовать Военно-Революціонный Комитетъ. Центральный Комитетъ Балтійскаго флота, Финляндскій Областной Комитетъ, фабрично-заводскіе комитеты, профессіональные союзы, Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ Питера, партійная военная организація и т. д. послали туда своихъ представителей. Это былъ военный штабъ новой революціи и *возстанія противъ имперіалистской диктатуры*.

А въ то же самое время въ «Совѣтѣ Республики» правая устраивала шумныя оваціи генералу Алексѣеву, и апостолъ россійскаго имперіализма кадетъ Петръ Струве заявлялъ, что «за честное имя генерала Корнилова мы отдадимъ нашу жизнь».

Въ Петербургѣ начинается открытая, на глазахъ у всѣхъ, подготовка къ возстанію. Вооружаются рабочіе. Вооружаются солдаты. Со всѣхъ сторонъ подтягиваются силы. Войсковыя части, цѣлые корпуса присылаютъ привѣтствія и обѣщаніе поддержки. Съѣздъ 5-ой арміи высказывается за немедленный переходъ земли къ крестьянамъ. Съ величайшимъ напряженіемъ

ждутъ разрѣшенія кризиса, готовясь вмѣшаться въ рѣшительный моментъ.

Начало кладетъ конфликтъ между Военно-Рев. Комитетомъ и Штабомъ Округа, который отказывается признать полномочія Комитета.

Неизбѣжность столкновенія дѣлается очевидной для всѣхъ.

22 октября назначается «день Петербургскаго Совѣта», который превращается въ генеральный смотръ революціонныхъ силъ. Военно-революціонный комитетъ предпринимаетъ мѣры къ охранѣ города, назначаетъ своихъ комиссаровъ во всѣ воинскія части и въ важнѣйшія пункты. Фактическое распоряженіе военными силами переходитъ, такимъ образомъ, къ Совѣту.

Въ ночь на 25 октября революціонныя войска заняли вокзалы, почту, телеграфъ, Государственный Банкъ, Петербургское Телеграфное Агентство. Отдѣльные министры были арестованы. Еще въ 6 часовъ вечера предыдущаго дня Временное Правительство пыталось закрыть газету «Рабочій и Солдатъ». А ночью часть этого правительства уже находилась подъ замкомъ. Бонапартистская власть была низложена безъ кровопролитія,—настолько друженъ, строенъ и могучъ былъ натискъ рабочихъ и солдатъ, шедшихъ въ бой за власть Совѣтовъ.

25 октября Троцкій, блестящій и мужественный трибунъ возстанія, неутомимый и пламенный проповѣдникъ революціи, отъ имени Военно-Революціоннаго Комитета объявилъ въ Петербургскомъ Совѣтѣ подъ громовые апплодисменты собравшихся о томъ, что «Временное Правительство больше не существуетъ». И какъ живое доказательство этого факта на трибунѣ появляется встрѣчаемый бурной оваціей Ленинъ, освобожденный изъ подполья новой революціей.

Въ 10 часовъ вечера открывается Второй Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ. Съ первыхъ же словъ ясно, что оборонцамъ тамъ не мѣсто. Господа положенія въ прежнемъ, они покидаютъ съѣздъ теперь; за ними уходитъ и кучка «интернаціоналистовъ» во главѣ съ Мартовымъ, которые вдругъ завопили о «насиліи» и «заговорѣ». Тѣмъ дружнѣе прошли рѣшенія съѣзда.

Керенскій ввелъ смертную казнь. Съѣздъ отмѣнилъ ее въ первую голову. Керенскій сажалъ въ тюрьму членовъ земельныхъ комитетовъ. Съѣздъ выпустилъ на волю крестьянъ, рабочихъ, солдатъ, которые томились въ застѣнкахъ бонапартистскаго правительства. Декреты о мирѣ и о землѣ, предлагавшіе немедленные мирные переговоры и отдававшіе землю крестьянамъ, были приняты съ такимъ энтузіазмомъ, какъ никогда. Провозглашеніе власти Совѣтовъ и избраніе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ во главѣ съ Ленинымъ было встрѣчено бурнымъ восторгомъ со стороны рабочихъ и солдатъ и злобной животной ненавистью со стороны обы-
[illegible]

мѣвшей отъ страха буржуазіи. Ленинъ во главѣ русскаго правительства—развѣ это не должно было казаться свѣтопреставленіемъ всѣмъ «благонамѣреннымъ элементамъ?»

Если въ Петербургѣ власть была захвачена почти безъ выстрѣловъ, то въ другомъ центрѣ революціи—въ Москвѣ—борьба была упорной и жестокой. Здѣсь отчетливѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, проявились всѣ классовыя группировки, выяснились на дѣлѣ, въ процессѣ вооруженной борьбы, позиціи классовъ, группъ, партій, организацій. Рабочіе во главѣ съ партіей пролетаріата—на самомъ отвѣтственномъ посту. Солдаты, весь гарнизонъ поголовно,—въ ногу съ рабочими. Большевики и лѣвые эсеры—по одну сторону баррикады. Крупная буржуазія, обыватели, правые эсеры и верхи меньшевистскихъ организацій, генералы, офицеры, юнкера, казаки,—по другую. Ружье противъ ружья! Пулеметъ противъ пулемета!

Московскій пролетаріатъ вступилъ въ борьбу неподготовленнымъ. Его цѣлью была одна цѣль—поддержать петербургскихъ товарищей. Погибнуть, но поддержать.

Сигналъ возстанія подала партія пролетаріата, занявъ вооруженными отрядами почтамтъ. Дальше событія развиваются головокружительно быстро. Образованіе военно-революціоннаго комитета, занятіе Кремля, сдача его, бои въ центрѣ и на окраинахъ; трагическій моментъ, когда отряды юнкеровъ чуть не выбиваютъ совѣтскія войска изъ центра, отпоръ имъ и, наконецъ, ускоренная огнемъ тяжелой артиллеріи побѣда—при грохотѣ осадныхъ орудій, трескѣ пулеметовъ и свистѣ ружейныхъ пуль мелькали всѣ эти сцены передъ лицомъ «благочестивой» русской столицы, второй уже разъ переживавшей революціонное возстаніе...

Побѣда была одержана благодаря исключительному героизму самихъ рабочихъ и солдатъ. Красногвардейцы дрались, какъ настоящіе львы революціи, съ беззавѣтной преданностью, съ съ мужествомъ, не знающимъ страха. Бокъ-о-бокъ съ ними шли солдаты, во главѣ съ отрядомъ двинцевъ, ударнымъ отрядомъ революціи. Эти двинцы были заточены въ прифронтовыя тюрьмы, а потомъ въ Бутырскую тюрьму эсеромъ Керенскимъ. Они были выпущены московскими рабочими. И они поклялись биться до конца. Московская борьба была поистинѣ борьбой самихъ массъ, энергичныхъ, находчивыхъ, самодѣятельныхъ и храбрыхъ, какъ могутъ быть храбры только сыны народа, сбрасывающіе цѣпи рабства и угнетенія.

Противъ народа дрались отряды юнкеровъ подъ командой эсера полковника Рябцева. Общеорганизаціоннымъ центромъ была дума, выдвинувшая контръ-революціонный «Комитетъ Спасенія». Эсеръ Рудневъ удачно дополнялъ эсера Рябцева, создавъ и вооруживъ бѣлую гвардію буржуазіи.

Крупная буржуазія предпочла дѣйствовать изъ подполья. Вѣдь, у нея были достаточно надежные агенты изъ бывшихъ террористовъ!

Всего за нѣсколько дней эти соціалъ-предатели протестовали въ Совѣтахъ противъ красной гвардіи, потому что они якобы боялись «раскола между солдатами и рабочими». Теперь, когда солдаты и рабочіе вмѣстѣ стали проливать свою кровь, эти господа организовали помѣщичьихъ и буржуазныхъ сынковъ, направивъ ихъ ружья и противъ солдатъ и противъ рабочихъ! Московскій Совѣтъ Солдатскихъ Депутатовъ, гдѣ большинство имѣли эсеры и меньшевики, засѣдая въ одномъ зданіи съ руководителями возставшихъ пролетаріевъ и крестьянъ, далъ отборные кадры шпіоновъ Керенскаго, которые слѣдили, выдавали, предавали, а потомъ судили захваченныхъ большевиковъ. Солдаты смѣстили его. Но «соціалистическія» газеты соглашателей продолжали его дѣло. Въ самомъ началѣ выкинувъ «благородный» лозунгъ: «Довольно кровопролитія», эти негодяи въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ печатали лживыя извѣстія о томъ, что Керенскій уже взялъ Петербургъ: имъ нужно было (ибо это нужно было капиталу) разбить силы рабочихъ и солдатъ не только силой бѣлой гвардіи, но и силой массовой лжи и клеветы.

Но слишкомъ глубоко проникла ненависть къ угнетателямъ. Москва была взята съ бою. Но она была взята.

29 октября въ Петербургѣ бывшіе вожди мелкой буржуазіи пытались поднять мятежъ юнкеровъ. Мятежъ былъ подавленъ въ нѣсколько часовъ, а его организаторъ — Гоцъ — сбѣжалъ. Керенскій, собравъ остатки войскъ, двинулся было на Петербургъ. Но красныя войска на голову разбили его подъ Гатчиной, и онъ, который торжественно заявлялъ, что только черезъ его трупъ перешагнутъ тѣ, кто посмѣетъ свергать коалицію, бѣжалъ позорно, какъ бѣжитъ трусъ и предатель.

Несмотря на вооруженное сопротивленіе, революція побѣдила въ важнѣйшихъ цетрахъ. Этимъ участь старой власти была рѣшена. Диктатура имперіалистовъ смѣнилась диктатурой пролетаріата, поддержаннаго деревенской бѣднотой. Дальше начинается ея натискъ на врага, уже сдавшаго свою главнѣйшую позицію и героическая борьба съ международнымъ имперіализмомъ, борьба за уничтоженіе капитала, за активное проведеніе въ жизнь соціалистическаго переустройства общества.

Буржуазія дѣлитъ всѣ революціи на «славныя революціи» и «великіе бунты». Славныя революціи — это когда рабочіе и крестьяне таскаютъ изъ огня своими руками каштаны для буржуазіи; «великіе бунты» — это когда рабочіе не хотятъ ограничиваться такой скромной ролью; это когда они идутъ дальше границъ, установленныхъ капиталомъ. «Ни шагу дальше» — говоритъ «славная революція» пролетаріату: «власть и собствен-

ность принадлежитъ буржуазіи». «Впередъ, за эту проклятую черту; впередъ, къ соціализму» — говоритъ «великій бунтъ». Октябрьская революція была «великимъ бунтомъ» для буржуазіи. Но для пролетаріата она была дѣйствительно славной революціей. Въ этомъ отношеніи между мартомъ и октябремъ лежитъ глубокая пропасть.

Мартовскую революцію вынуждены были «привѣтствовать» всѣ: она была «свѣтлая», «въ чистыхъ одеждахъ», «лучезарная», «безкровная»,—ибо она была «общенаціональной». Разъ на нее наложили свой штемпель даже враги всякихъ революцій — какъ же не быть ей доброй и хорошей? Въ глазахъ буржуазіи мартовская революція была въ концѣ концовъ пріемлема потому, что она, свергнувъ дикихъ помѣщиковъ, отдала власть имперіалистической буржуазіи. Съ этимъ буржуа «мирились». Тутъ для нихъ освободительная роль революціи была ясна: вѣдь это ихъ въ первую голову подняли на щитъ власти! Правда, они съ перваго дня чувствовали, что революція пойдетъ впередъ, что нужно держать камень за пазухой; но, подготовляя веревку, они въ то же время радостно улыбались, умилялись и плакали отъ «революціоннаго энтузіазма», внезапно обуявшаго всѣхъ тѣхъ, кто еще за нѣсколько дней выбрасывалъ лозунгъ «лучше пораженіе, чѣмъ революція». Публицисты и поэты называли революцію Воскресеніемъ Христовымъ, ибо помѣщичья власть царя, давившая слегка на мозоль «торгово - промышленному классу», была сброшена, и буржуазный Христосъ сталъ у власти обѣими ногами. Вся «интеллигенція», живущая подачками съ барскаго стола, начиная отъ бывшихъ солистовъ его величества и кончая безпардонной богемой, дружно апплодировала мартовской революціи.

Совсѣмъ другой представлялась «образованному обществу» рабочая революція въ октябрѣ. Бездушная, узко-классовая, покрытая кровью, вандальская, «безъ грана идеализма», насильническая, заговорщическая, какая-то «контръ-революціонная» революція—такой была въ глазахъ капиталистическихъ мародеровъ величайшая въ мірѣ революція пролетаріата.

Капитаталистическая собственность есть законъ природы— это аксіома буржуазной революціи, которая раскрѣпощаетъ эту собственность съ ея личнымъ придаткомъ отъ феодальныхъ путъ. Капиталистическая собственность подлежитъ уничтоженію вмѣстѣ съ остатками феодализма—это аксіома пролетарской революціи. Поэтому пролетарская революція есть отрицаніе буржуазной революціи; она есть отрицаніе буржуазнаго строя вообще. Въ буржуазной революціи съ общества снимается только его старая политическая скорлупа: власть переходитъ изъ рукъ одной группы собственниковъ въ руки другой, изъ рукъ помѣщиковъ въ руки буржуазіи. Правда, такъ какъ буржуазія продѣлываетъ эту все же рискованную операцію руками

рабочихъ, крестьянъ, мелкой буржуазіи, то кое-что измѣняется и въ производственныхъ отношеніяхъ. Но классовая монополія собственниковъ остается незыблемой. Принципіально она не только не отмѣняется, но получаетъ здѣсь свое капиталистическое обоснованіе.

Совсѣмъ другое—революція соціалистическая: она есть революція производственныхъ отношеній прежде всего. Ибо она не измѣняетъ классовой монополизаціи средствъ производства со стороны кучки собственниковъ: она **уничтожаетъ** эту монополизацію. Это не есть перетасовка собственническихъ группъ: это есть ихъ **экспропріація**.

Буржуазная революція теперь означаетъ повтореніе пройденнаго Западомъ сто лѣтъ тому назадъ. Соціалистическая революція—новый рычагъ, который опрокидываетъ навзничь всѣ сложившіяся отношенія.

Побѣдоносное восстаніе въ октябрѣ показало, что въ Россіи соціалистическая революція не только возможна, но что она исторически **необходима**. Противъ сплоченныхъ силъ врага выступила многомилліонная масса, которая смела этого врага въ главныхъ центрахъ общественной жизни съ легкостью, которой не ожидалъ никто. Пустые болтуны праздношатающейся «соціалистической» мысли, видящіе свое историческое призваніе въ критикѣ рабочаго коммунизма, не понимали и не понимаютъ, что уже самый фактъ побѣдоносной диктатуры свидѣтельствуетъ объ исторической правомѣрности соціалистическаго переворота. Но отставные вожди мелкой буржуазіи во время героической борьбы способны лишь на одно «творчество»: изобрѣтеніе новыхъ бранныхъ словъ...

Великая октябрьская революція, встрѣченная дикимъ воемъ и скрежетомъ со стороны буржуазіи, неминуемо должна была найти откликъ среди западно-европейскаго пролетаріата: первый разъ за все существованіе классовой борьбы пролетаріата онъ твердой рукой взялъ государственную власть. Красный призракъ коммунизма сталъ во весь свой гигантскій ростъ. Европейская банкократія заметалась и засуетилась. Она жаждала окончательной расправы съ большевиками—она дождалась расправы съ россійской буржуазіей. У власти—ненавистнѣйшая партія, самая крайняя, самая послѣдовательная, самая антикапиталистическая, самая революціонная!

Въ пороховой погребъ старой, окровавленной Европы брошенъ факелъ русской соціалистической революціи. Она не умерла. Она живетъ. Она ширится. И она сольется неизбѣжно съ великимъ побѣдоноснымъ возстаніемъ **міроваго пролетаріата**.

